

Осколки легенд. Том 1

Автор:

Андрей Васильев

Осколки легенд. Том 1

Андрей Александрович Васильев

Осколки легенд #1

Отчего брат Юр начал заикаться? Понравилась итальянская кухня Родьке или нет? Какие неприятности могут заставить француза-отельера прибегнуть к помощи русского ведьмака? Что поджидало Павлу Веретенникову на одном из островов Аральского моря? Ответы на эти, а также многие другие вопросы вы узнаете из данного сборника рассказов. Внимание! Автор надеется, что досточтимый покупатель данной книги уже знаком с его произведениями. Просто если нет, то кое-что в ней досточтимому покупателю может показаться неясным и даже непонятным.

Андрей Васильев

Осколки легенд. Том 1

Андрей Васильев

* * *

Маленькое предисловие

Добрый день, уважаемый читатель. Предлагаю сразу перейти на «ты», поскольку почти наверняка мы давно знакомы. Так вот – если ты прочел аннотацию, то уже знаешь, что перед тобой сборник рассказов, которые были написаны в разное время и с разными целями. Какие-то из них выступали дополнениями к моим романам, какие-то были приурочены к тем или иным событиям, плюс специально для этого сборника я написал пять новых рассказов.

Впрочем, о событийных рассказах надо написать особо. Собственно, речь идет о Новом Годе. Просто есть у меня хорошая традиция – каждый год, 31 декабря, я выкладываю на своей странице специальный новогодний рассказ. Как правило – шуточный, ибо праздник Новый Год – он веселый и задорный. Этот текст радует читателей до седьмого января, а после я его удаляю насовсем, ибо поскольку праздник от нас уходит, то и рассказу туда же дорога, а больше никуда не выкладывается, как бы меня об этом не просили. По крайней мере так было до сегодняшнего дня, то есть до выхода этой книги. Отдельно замечу, что в данном сборнике все новогодние рассказы помещены в самый конец разделов, относящихся к тому или иному циклу.

За годы у меня и таких, и других рассказов накопилось немало, потому не все они вошли в эту книгу, в связи с чем может возникнуть резонный вопрос: «а остальное когда?» Отвечаю – и остальные рассказы никуда не денутся. Подзаголовок «том первый» предполагает, что следом появится и «том второй». И это обязательно случится, но теперь уж только в конце 2021 года, приблизительно в этих же числах.

Ну, и последнее – кое к каким рассказам я написал маленькие предисловия, для пущей ясности. Они будут выделены курсивом, чтобы не возникло путаницы.

Надеюсь, путешествие будет приятным!

Файролл

«Файролл» – это все-таки игра, и то, что НПС в ней иногда ведут себя почти как настоящие люди, время от времени смущало ряд читателей. Кое-какое обоснование этому факту я в романах дал, но рассказы – это другое. Но я снова

выкрутился, потому кое к каким новеллам в данном разделе приложено небольшое предисловие, дающее понять читателю, что тут к чему.

Усыпальница королевского дома

– Костик, ну что ты мне выносишь мозг? – Валяев, чем-то крайне озабоченный, уставился на хиппообразного и долговязого юношу в круглых очках, отчасти похожего на молодого Джона Леннона.

– Так ведь вправду может получиться роскошный квест, – настаивал юноша, махая стопкой бумаги, недавно вылезшей из принтера. – Сами подумайте – ночь, подземелья, гробницы...

– Слушай, у нас в каждом городе есть подземелья, и в развалинах они есть, и даже в чистом поле, если поискать, то можно найти, – утомленно сказал Валяев. – Чем эти лучше?

– Ну вот вы сами послушайте. – Костик поправил очки и начал читать первый лист из стопки...

В славном городе Эйгене, около небольшого фонтана, который находился на территории королевского дворца, сидели и болтали сразу обо всем на свете трое молодых людей – принцесса Анна, дочь короля Вайлера, Юр, юнинг ордена Плачущей Богини, и Витольд, послушник Академии Мудрости.

Все трое собеседников были в том прекрасном возрасте, когда мир кажется огромным и интересным, грядущая жизнь бесконечной, а будущее безоблачным и счастливым. Проще говоря, это была компания еще не взрослых людей, но уже и не детей.

– А Ланселот мне и говорит: «Я убью в вашу честь сто драконов», – захлопала ресницами Анна, отлично сложенная блондинка с очаровательной белозубой улыбкой, пикантным, чуть вздернутым носиком и бездонными голубыми глазами. – «И принесу вам их головы!».

– Ну если даже предположить, что этот остопоп найдет хотя бы одного дракона, что вряд ли, поскольку они вымерли давным-давно, то он все равно не сможет принести тебе его голову, поскольку ее невозможно будет доставить в Эйген, – хмыкнул Юр, саркастически улыбаясь и поправляя тунику с гербом Ордена.

– Чего это? – оживился Витольд, отвлѣкшись от пересчитывания мелочи, которую он собирал в фонтане. Дело в том, что на территорию дворца в определенные часы пускали всех желающих, поскольку король Вайлер был изрядным добряком и считал, что ничего плохого в том, что подданные посмотрят на то, как он живет, нет. Зеваки же охотно бросали мелочь в фонтан, поскольку хитроумная обслуга дворца усиленно муссировала слух, что это крайне хорошая примета, а после собирала ее для последующей закупки вина. – Она такая здоровая?

– Не то слово. – Юр был очень любознательным молодым человеком, в его коротко стриженной черноволосой голове уже скопилось немало знаний, которые будущему рыцарю вроде бы были и не к чему, о чем, собственно, неоднократно высказывались наставники, которые чаще видели его с книгой, чем с мечом. – Но дело даже не в этом, мой алчный друг. Драконья туша после смерти каменеет, и башка не исключение. То есть этому болвану надо будет доставить нашей Анне кусок камня размером с дом зажиточного горожанина.

– Ну я не знаю. – Витольд задрал рясу, которую носили все послушники Академии Мудрости, и ссыпал монетки в напоясный кошель. – Можно заставить крестьян перевезти ее на лошадях. Ну собрать пять-семь мужичков, из тех, что покрепче...

– И что с ней будет? – иронично улыбнулся Юр. – По дороге она просто расколется и превратится в кучу камней размером поменьше.

– То есть не видать мне головы дракона? – уточнила Анна.

– Не видать, – заверил ее Юр. – Только Ланси об этом не говори.

– Почему? – удивилась Анна.

– Во-первых он в это не поверит, – начал загибать пальцы Юр. – Во-вторых он не поймет половины слов, которые ты ему скажешь. Ну и в-третьих, я собираюсь

отбирать у него компот за обедом не меньше месяца, именно столько буду искать для него то место, где еще может оказаться дракон.

– Юр, ты прохиндей не меньше, чем Витольд! – засмеялась Анна, на щеках ее появились невероятно соблазнительные ямочки – Твое место не среди рыцарей!

– Я ему это уже три года говорю, – разгладил рясу Витольд. – Что он забыл в компании этих железнолобых болванов?

– Вит, ты полегче на поворотах. – Юр нахмурился – Все же я второй сын графа. Савойского, и моя судьба едина с Орденом, так было от века, и так будет всегда. Первый сын служит Короне, второй Ордену, третий сидит в родовом замке.

– Свезло третьему, – с завистью сказал Витольд, тощий, как палка. – Еда от пуза, винный погреб, балы, герцогини там всякие. Или служанки, на худой конец.

– Фу, – сморщила носик Анна. – Какой ты, Витольд, все-таки приземленный.

– Чай не из графьев, – без малейшей обиды ответил послушник. – Что думаю – то и говорю.

Анна и Юр одновременно захохотали – они прекрасно знали, что Витольд почти никогда не говорил то, что думал. Исключение составляли моменты, когда он отчаянно торговался за каждый медяк в харчевнях при оплате за трапезу.

– А мне кажется, что ты выбрал не свой путь в жизни, – неожиданно заявила Анна, глядя в глаза Юра. – Мечи, латы и поединки – не твое.

– Я его не выбирал, – пожал плечами Юр. – Ты же это не хуже меня знаешь.

– Чушь. – Анна тряхнула головой, прядь волос упала ей на глаза, и она ее энергично сдула. – Да, есть какие-то обстоятельства, да, есть какие-то обязательства, но мы вправе выбирать свой путь сами. Вот твой брат, Гейнор, на своем месте, он просто рожден для службы в дворцовой страже. И Ван дер Мелле на него не нарадуется, говорит, что лучшего младшего охранника он в жизни не видал. А ты маешься, покоя себе не находишь, – значит, не для тебя Орден.

– И что я могу сделать? – апатично спросил у нее Юр. – Это мой семейный долг, я по-другому не могу жить.

– Тоже чушь! – Анна выпятила вперед нижнюю губу, что выдавало то, что она очень серьезно настроена. – Вот я...

– Тебя выдадут замуж, даже не спросив, – влез в разговор Витольд. – За кенига с Севера, или еще за кого, кто твоему папеньке выгоден будет. Так что не льсти себе и тем более не ври.

– Не будет такого! – взвизгнула Анна. – Я сама решу, как мне жить, мне это папа обещал, он мне слово дал!

– Ну на то оно и королевское слово, чтобы сегодня его дать, а потом назад забрать. – Витольд почесался. – Он вон маркизу де Колиньяку тоже обещал, что его не тронет, если тот добровольно бунтовать перестанет, – и где теперь тот маркиз, на каком небе обитает?

– Где маркиз – не знает никто, – заметил Юр. – А вот тело его в клетке до сих пор находится, а та на Веселом мосту подвешена. Я недавно его видел – один костяк остался.

– Это другое, это политика, – насупилась Анна. – Монархам иногда приходится принимать непростые решения.

– А ты кто? – безжалостно спросил Витольд. – Разве ты не монархиня?

Слова послушника были справедливы. Анна по рождению своему была принцессой, а Юр, между прочим, графом. Витольд же был даже не мелкопоместным дворянином, а сыном небогатого фермера, живущего в верховьях Крисны. Но давным-давно, еще при знакомстве, эта троица договорилась о том, что сословных условностей между ними не будет. Молодость демократична, так было всегда.

Анна задумалась после последней фразы Витольда и не стала ему отвечать.

– Витольд, ты сегодня особо язвительен, – примирительно заметил Юр. – Никак розог отведал из рук брата-эзекутора?

– Не без этого. – Витольд скривился и потер зад. – Не любит он меня, уж не знаю за что.

– Не стоило из подвалов Академии вино тырить, – наставительно произнес Юр. – И рисовать сестру Фалассию на помеле и с кривым носом на стене учебного здания тоже не следовало.

– Все-то ты знаешь, обо всем-то ты осведомлен – Витольд показал Юру язык.

– Я знаю, что мы сделаем, – неожиданно сообщила друзьям Анна. – Мы отправимся на четвертый уровень королевских усыпальниц.

– Куда? – в один голос спросили Юр и Витольд, выпучив глаза.

– Вы меня слышали, – холодно сказала Анна. – Я хочу знать свое будущее, потому пойду туда, независимо от того, присоединитесь вы ко мне или нет.

Удивление молодых людей было вполне понятно – королевские усыпальницы слыли местом не слишком хорошим, и даже маги Академии Мудрости редко спускались ниже третьего уровня.

– Опуская ряд второстепенных вопросов, любезная Анна, я хотел бы задать один, основной, – мягко сказал Юр. – Что ты там забыла?

– Там находится усыпальница Максимуса, короля-чародея. – Анна обвела глазами друзей. – Каждый из нашего рода имеет право один раз в жизни прийти к нему и задать его духу один вопрос, на который он обязательно ответит. Вот я пойду и спрошу, смогу я определить свою судьбу сама, или нет.

– Она сошла с ума, – посмотрел на друга Витольд. – Это точно!

– Она приняла решение и выполнит его, ты ее знаешь, – покачал головой Юр. – И мы с тобой тоже влипли, поскольку одну мы ее туда не отпустим.

Витольд пожевал губами, по его лицу было видно, что лично он Анну туда отпустил бы без особых сомнений. Впрочем, вслух он этого не произнес.

– Может брата твоего захватить с собой? – наконец выдал из себя. – Он с мечом ловок, и вообще...

– Гейнора? – усмехнулся Юр. – Который тут же все выложит начальнику охраны? Отличная идея, вот только в результате именно мы с тобой окажемся врагами короны как минимум за посягательство на память предков правящего монарха, а Анна отправится под замок. И после, если мы до того времени еще не сложим головы на плахе, точно нас с тобой убьет.

– Убью, – подтвердила Анна. – Гейнору ни слова. Он так за меня переживает все время, и это трогательно, но...

– По уши втюрился, вот и переживает, – цинично заметил Витольд. – Как тебя видит, так сразу сопит и вздыхает.

– И цветы у двери каждое утро оставляет, – похвасталась Анна. – Ладно, шут с ним, с Гейнором, пусть его. Идем прямо сегодня, чего откладывать. Ключ от входа в усыпальницы я у папки стащу, Юр, ты факелы добудь, там после третьего уровня темно, а ты, Витольд...

– Я еды захвачу – Витольд почесал нос – Мало ли чего, не дай боги заплутаем, чего тогда есть будем?

Друзья обсудили еще несколько деталей и разошлись, размышляя каждый о своем.

Вход в усыпальницы находился на территории дворца, которая в ночное время, понятное дело, была под охраной. И по двору, и по коридорам дворца туда-сюда вышагивали гвардейцы из личной охраны короля, частенько среди ночи с проверочными целями по гулким коридорам прохаживался и мэтр Освальд Ван дер Мелле, начальник охранной службы короны Запада, в последнее время частенько сопровождаемый молодым графом Гейнором, своим, как он говорил, «будущим преемником».

Впрочем, наших друзей все это волновало не слишком, за последние годы они изучили и расписания караулов, и все лазейки с ходами, которых во дворце было очень немало, и сделали это даже получше, чем мэтр Ван дер Мелле.

– Может, все-таки ну его? – опасливо спросил Витольд, глядя на Анну, которая, высунув кончик розового язычка, пыталась попасть ключом в замочную прорезь двери.

– Ты пробовал когда-нибудь остановить ураган? – негромко спросил у него Юр, из-за плеча которого торчало с полдюжины факелов. – А Анна в этом плане посмертоносней будет.

Замок щелкнул, дверь, скрипнув, отворилась, и на друзей обрушился тяжелый запах подземелья, заглушивший буйные ароматы весенней ночи.

Анна глубоко вздохнула, поморщившись от тяжелого амбре, и шагнула за порог, за ней последовал Юр, замыкающим же двинулся Витольд, сохранивший на лице маску сомнения в том, что они делают то, что следует. Впрочем, через секунду она пропала, и послушник Академии Мудрости стал внимательно смотреть по сторонам, в надежде чем-нибудь тут поживиться. Это, собственно, и было основным доводом, который склонил его к данной прогулке, если бы не это, он бы сроду сюда не пошел, а приятелям выложил историю о том, как его посадили под замок.

Королевские усыпальницы являлись одним из старейших подземелий Западной Короны. Не слишком большая величина этажей с лихвой компенсировалась их числом, по слухам, уровней здесь имелось более трех десятков. Доподлинно их количество было неизвестно, последнюю крупную вылазку вниз делали лет пятьсот назад, тогда отряд королевской стражи, усиленный магами Академии, добрался до девятнадцатого уровня и повернул назад, из-за отсутствия воздуха для дыхания. По крайней мере, официальная версия была именно такова. Что там случилось на самом деле, не знал никто, кроме прапрадеда короля, и тех, кто вернулся из подземелья, а таковых было дай бог половина от изначально ушедших.

Тем не менее, первый и второй уровни были совершенно безопасны, освещены никогда не гаснущими факелами, по большим праздникам сюда приходили представители правящего дома, дабы поклониться могилам предков, а в

остальное время сюда водили экскурсии, состоящие как из местных жителей, так и гостей столицы Западной Марки.

Третий уровень тоже не считался опасным, хотя на него вельможные особы и экскурсанты уже не спускались. Здесь бывали только местные служители, проверяющие, все ли в порядке в усыпальнице, нет ли на стенах трещин, не проникли ли внутрь злоумышленники. Такое, увы, время от времени случалось, какие-то воришки забирались в некрополь. Детали этих проникновений не разглашались, хотя на рынках Эйгена говорили всякое, в том числе и то, что более этих удалцов никто никогда не видал.

С четвертым уровнем дела обстояли похуже, там начинались владения темноты (не Тьмы, но темноты), туда не спускались служители, и последний, кто там бывал, это король Герхард, прапрадед Вайлера. Он тоже ходил за советом к Максимусу, и вернулся обратно, видимо, получив его, правда, после этого он велел закрыть вход на нижние уровни большой, тяжелой и надежной металлической дверью, а также никогда больше не упоминать при нем о королевской усыпальнице. Ну, по крайней мере, пока он жив.

Именно об этом размышлял Юр, бредя по коридорам усыпальницы вслед за Анной, которая, несомненно, знала дорогу, поскольку бывала тут с отцом. Она уверенно спустилась сначала на второй, а потом и на третий уровень.

– А дверь небось закрыта. На четвертый-то уровень, – пробубнил Витольд, немного опечаленный тем, что ничего стянуть пока не удалось. – И как мы туда попадем?

– Все так же, – раздраженно ответила Анна. – Или ты думаешь, что я только ключ от входа в сам некрополь позаимствовала?

– Анна, это очень плохая идея, – нейтрально заметил Юр. – Подумай еще разок, может, вернемся назад?

– И это говорит мне будущий служитель Ордена Плачущей Богини! Краса и гордость рыцарства, зримое воплощение отваги и мужества, – язвительно сообщила в пространство Анна, уверенно идущая вперед. – Бедный Орден!

– Бедные мы, – тихонько сказал Витольду Юр. – Если эта история вылезет наружу, ее только посадят под замок, а что будет с нами... Лучше не думать.

– У меня и так жизнь не сахар, – буркнул Витольд. – Хуже, чем есть, не будет. Но если говорить честно – то мне жутковато. Не люблю темноту и замкнутые пространства.

Дверь, ведущая в глубины некрополя, была сделана на славу – многослойная сталь, по-другому и не скажешь. Король Герхард явно не пожалел денег, поскольку, судя по качеству материала и вычурности рунных рисунков на ней, это была гномья работа.

– Это сколько же такая дверь стоит? – протянул Витольд, потрогав массивное сооружение. – Не иначе как по весу золотом платили.

– Не знаю, мне не рассказывали, – ответила Анна, ковыряясь ключом в замочной скважине. – Юр, зажигай факелы.

Те затрещали, рассыпая искры, дверь беззвучно растворилась, открыв глазам авантюристов темноту проема.

– Что, не трусились, защитники Короны? – Анна улыбнулась. – Если нет – то пошли.

– Стой, я пойду первым, – Юр отстранил ее с дороги и шагнул вперед. – Витольд, ты замыкающий.

– И на том спасибо, – сглотнул послушник. – А то, может, я вас тут подожду? Опять же – если что, на помощь сбегаю позову. Ну если вас долго не будет?

Юр, повернувшись, смерил его взглядом, и Витольд встал за спиной Анны, приговаривая:

– Я ж как лучше хотел, только о вас и думал...

Да, четвертый уровень был совершенно не похож на предыдущие. Мрачные закутки, в которых стояли потемневшие от времени саркофаги, шорохи и

загадочные звуки, несущиеся из темноты, кости, там и сям валявшиеся на полу, – все это настраивало молодых людей на довольно невеселый лад.

Анна так и вовсе потихоньку начала жалеть, что сама влезла в эту историю и ребят в нее втравила, но ее упрямство было сильнее рассудка, как это частенько бывает у властных, избалованных и вдобавок очень молоденьких девушек. Они не могут позволить себе фразу «Да, я была не права», поскольку произнести это выше их сил.

Именно поэтому трое искателей приключений все сильнее углублялись в переходы четвертого уровня усыпальниц, все дальше и дальше уходя от выхода.

– Кажется, пришли, – остановилась Анна спустя некоторое время, и осветила факелом внушительных размеров саркофаг, опутанный паутиной, и с находящимся на его верхней крышке огромным шлемом, похожим на перевернутое жестяное ведро. – Это и есть последнее пристанище Максимуса.

– Уверена? – Юр почесал затылок. – А почему это, а не вон то?

Он посветил в сторону, где стояли еще несколько саркофагов.

– Так шлем же, – развела руками Анна. – Я читала в старой хронике, что великого короля похоронили в его доспехах, он, по слухам, из них и при жизни особо не вылезал. Ну а шлем, наверное, на саркофаг поставили.

– Наверное, может быть, возможно. – Юр недовольно скривился. – Тут не игра в бирюльки, тут наверняка надо знать, мы же не в кабаке, мы в места мертвых пришли...

– Да ну тебя, зануда, – сжала губы Анна, не терпящая тех, кто сомневается в ее правоте. – Сейчас все выясним. Максимус, я Анна, принцесса из правящего королевского дома Альбиусов. Я требую ответа на свой вопрос, согласно данной тобой клятве!

– Ты это, Анна, – перепугано прошептал Витольд. – Ты давай как-то поскромнее, мало ли чего, духи они такие, обидятся еще...

– Верно сказано, обидеться мы можем, поскольку очень не любим непочтительности, – согласился с ним кто-то. – А эта юная дева, стоит признать, хамовата.

Молодые люди обернулись и увидели невысокого, достаточно щедедушного и какого-то пошарпанного призрака.

– Максимус? – неуверенно спросила Анна, недоверчиво глядя на плешивого духа, который смотрел на нее, при этом теребя прозрачной рукой прозрачную же козлиную бородку.

– А то кто же? – ответил дух, показав мелкие зубы. – Максимус, как есть. Король, между прочим.

– Вот и верь древним летописям, – удивленно сказала принцесса друзьям. – А в них писали, что был сей владыка зело мощен телом и высок ростом.

– Летописи пишут при живых королях, а кто же захочет, чтобы про него сказали, что он щедедусен и лыс? – резонно заметил призрак. – Я точно не хотел, а потому придворные летописцы меня отобразили так, как я им сказал.

– Никому веры нет, а? – Витольд высунул голову из-за плеча Юра. – Везде враки.

– Ну ладно, чего теперь выяснять, кто каким был, – дух потер ручонки. – Так вы, девушка, стало быть, носитель королевой фамилии, и, соответственно, персоне королевской крови?

– Ну да. – Анна приосанилась. – И по праву хочу получить ответ на один вопрос.

– Это можно, это можно – дух приблизился к принцессе и внимательно осмотрел ее. – У тебя как со здоровьем, все ли в порядке?

– А при чем тут это? – непонимающе спросила Анна. – Какое отношение мое здоровье имеет к моему пожеланию?

– Прямое. – Дух вздохнул. – Вдруг ответ будет сногшибательным, и ты прямо здесь помрешь? А у нас здесь и так места мало, очень остро квартирный вопрос

стоит, понимаешь? Так что со здоровьем?

– Хорошо у меня все со здоровьем! – Анна зло глянула на духа, вьющегося около нее. – Замечательно все!

– Ну вот и ладушки! – дух внезапно очутился нос к носу с Анной. – Тогда задавай вопрос, и скажи в самом конце следующую фразу: «И я открываю тебе дорогу к себе».

– А это зачем? – Анна нахмурилась. – К чему бы?

– Так ответ-то только для тебя. – Дух всплеснул руками. – Этим двум зачем его слышать?

– Ну, вообще-то, это, конечно, верно, – согласилась с ним Анна.

– Что верно? – переспросил Витольд, который последние реплики вообще пропустил мимо ушей, пытаясь втихаря отколупнуть с саркофага Максимуса кусочек барельефа.

– Все верно, – огрызнулась Анна и, воздев руки вверх, сообщила: – Скажи мне дух короля прошлого, буду ли я королевой? И я открываю тебе...

Позже Юр даже и сам не мог сказать, что именно его смутило во вроде бы гладких речах призрака. Нет, так-то все вроде бы звучало логично и верно, но уж больно дух был скользкий, неискренний, даже учитывая то, где он обитает. Вдобавок Юр отметил, что при первых словах Анны дух стал как бы вливаться в нее, растворяться в ее фигуре, причем сама принцесса этого как будто и не видела.

– Не говори ничего, молчи! – Юр прыгнул на Анну, и повалил ее на плиты усыпальницы, не дав закончить фразу. Дух Максимуса, уже совсем было слившийся с телом Анны, с пронзительным визгом отлетел к потолку.

– Анна, ты дура? – завопил Витольд, наконец отвлекшийся от разграбления гробницы. – Ты ему свой ментальный план хотела открыть?

– Сволочь гадская! – вопил дух. – Все почти вышло!

Призрачное лицо тщедушного старикашки исказилось, его черты стали жесткими и пугающими, вместо глаз теперь были красные всполохи молний.

– Не захотели добром отсюда уйти, так здесь и останетесь! – дух спикировал к Юру, ухмыльнулся, увидев его кинжал, который без какого-либо вреда для него входил в призрачное тело, и вцепился юноше в горло.

– Витольддд, – прошипел Юр – Спппп...

Анна, пусть и с небольшим опозданием, завизжала, Витольд бормотал все известные молитвы, пригодные для изгнания духов, Юр хрипел и синел в руках злобного призрака.

– Так, что это здесь происходит? – громыхнул басом чей-то голос.

Все присутствующие, кроме оседающего на землю Юра повернулись к новому участнику драмы.

Это, конечно же, тоже был призрак, но какой! Высоченный здоровяк, в призрачных доспехах и мечом на поясе, с удивлением смотрел на глазевших на него молодых людей и одного духа, который снова принял вид безобидного старичка.

– Так, Традор, опять ты безобразничаешь? – сдвинул брови великан. – Я сколько раз тебя предупреждал? Нельзя на минуту на обход территории отойти, ты уже тут как тут.

– Да ладно тебе, Максимус, – залебезил противный старикашка, разжимая руки, которыми он все еще сжимал горло Юра. – Так, пошутил немного с молодежью, такие они потешные!

Юр мешком осел на пол, он был без сознания.

– Пошутил... – Гигант нагнулся над телом юноши. – Ты ему чуть горло не раздавил, старый осел.

Максимус возложил руку на лицо Юра, что-то треснуло, заискрило, в подземелье запахло грозой. Юр захрипел и зашевелился.

– Жив?! – Анна подскочила к юноше, который держась за горло, силился встать с пола.

– Ж-жив, – сипло ответил Юр. – Н-ничего себе п-прогулялись, а?

– А почему он вас назвал Максимус? – спросил Витольд, глядя на великана в доспехах. – Максимус же он сам?

– Кто, Традор? – громыхнул король. – Вот шельма, а? Так и норовит что-нибудь стащить, даже после смерти.

Максимус повертел головой, в надежде найти хитрого старика, но тот уже успел улизнуть, возможно, напрямик через стену.

– Какой он Максимус? – продолжал громыхать гигант. – Он даже не из нашего рода, это бывший ректор Академии Мудрости, причем проворовавшийся. Когда это выяснилось, то его тихонько удавили свои же соратники, чтобы сор из избы не выносить, и всем сообщили, что он скончался от удара, после чего быстренько захоронили. Вот только не понимаю, как он попал сюда, в королевскую усыпальницу?

– Бывает – застенчиво сказал Витольд, видимо немного сочувствуя подлому Традору. – Мудрость и величие всегда идут рука об руку!

– И одна другую г-греет – добавил Юр, все еще тяжело дыша.

– А чего он от меня хотел? – Анна подняла глаза на короля.

– Тебя, – ответил гигант, невесело усмехнувшись. – Ты же королевской крови, я это ощущаю, причем без каких-либо сомнений.

– И? – Юр, держась за горло, тоже слушал короля.

– Если дух вселится в живого человека, изгнав его сущность на астральный план, то он, теоретически, может покинуть данное подземелье. А если не позволить изгнанной душе вернуться в тело в течение трех дней и трех ночей, то и вовсе навсегда заплучить его в собственное пользование. Ну а коли по доброй воле хозяин тела от него отказался...

– А почему он именно меня выбрал? – не понимала Анна.

– П-потому что ты к-королевской к-крови, – пояснил Юр, поднимаясь на ноги. – Видимо, т-только ее обладатели м-могут вывести отсюда д-д-духа.

– И только при условии, что он сам разрешит это сделать, – закончил цепочку выводов Витольд. – Какие же мы идиоты...

– Не мы, а я – уточнила Анна. – Надо быть честной с самой собой.

– Если ты это поняла, значит, ты уже не зря сюда приходила. – Максимус погладил ее призрачной рукой по голове. – Ну, ответить тебе на один вопрос, внука, или уже не надо?

– Не надо, – твердо сказала Анна. – Не надо, я сама на все найду ответы. Хотя... Где мой папаша прячет ключи от оружейной?

Спустя три дня всё у того же фонтана, где началась эта история, стояла все та же троица, правда выглядела она уже не так беззаботно, да и внешний вид двух из них изменился. Теперь не только Витольд был одет в рясу послушника Академии Мудрости, но и Анна, и Юр.

– И тогда отец сказал мне, что если я настолько глупа, что полезла в усыпальницу, то немного ума мне не помешает, а лучше всего его вкладывают в голову в Академии Мудрости, – кривясь, сообщала приятелям Анна. – Поэтому мне прямая дорога на пару лет в Ривеншталь, в женскую обитель Ордена.

– Ну, зато не замуж – сообщил Витольд, который стал за эти дни еще худее, хотя в это было трудно поверить.

– Юр, ты извини... – Анна потупилась. – Я знаю, что твой брат...

– К-как выяснилось, у м-меня больше нет б-брата, – без улыбки сказал ей Юр. – И отца т-тоже нет, они отказались от р-родства со мной, п-поскольку я имел отношение к твоему п-поступку, чем н-навсегда запятнал с-свою честь и ч-честь рода. Но я н-не опечален, с-судя по всему, у м-меня и м-моей бывшей с-семьи разные п-представления о чести.

Троицу исследователей подземелий перехватили на обратной дороге, на втором уровне. Как потом стало известно, бдительный юный граф Гейнор заметил во время обхода, что дверь усыпальницы приоткрыта, и сообщил об этом своему начальнику. Ключ от некрополя имелся только у короля, которого на свой страх и риск Ван дер Мелле разбудил. Сонный Вайлер не сразу, но вспомнил, что около него и ключей накануне вечером крутилась его дочь, и уже вскоре отряд стражников помчался по коридорам подземелья, где и обнаружил уставших молодых людей.

Скандал был страшнейший, король орал на дочь, Гейнор на брата, и все кому не лень кричали на Витольда, как на самого безответного. Впрочем, Витольду от этого было не жарко и не холодно, в отличие от его друзей, за годы учебы в Академии Мудрости он к этому уже привык.

К вечеру следующего дня в Эйген прибыл старший граф Савойский, совершенно непонятно как узнавший о происшедшем, и публично отрекся от сына, лишив того титула, права наследования и всего остального. Не смягчило его сердце даже заступничество короля, уже отошедшего от нервной встряски, и по доброте духа пытавшегося остановить непреклонного дворянина. Юр лишился всего, что у него было, кроме принадлежности к Ордену Плачущей Богини. Впрочем, и его он покинул, но только добровольно, после непродолжительной беседы с гроссмейстером. О содержании беседы Юр не рассказал никому, даже Анне и Витольду, в ответ на их вопросы, он только мрачно хмыкал.

– Б-братец заявил мне, что он м-меня не пр-рирезал только лишь по од-дной причине – продолжил свой рассказ Юр. – И это не н-наше бывшее р-родство, а лишь его неж-желание лишаться своего п-поста, который ему оч-чень по душе. Впрочем, я д-думаю, он врет, не в этом д-дело.

– А в чем? – тихо спросила Анна.

– Он не хочет оставаться уб-бийцей в т-твоих глазах, – тихо сказал Юр. – Т-ты уезжаешь, и м-моя смерть может кинуть на него т-такую тень, к-которая останется в т-твоей памяти. Если бы не эт-то, то еще вч-чера бы м-меня в канаве п-прикопали бы. Г-гейнор всегда б-был такой, с д-детства, раз что-то с-сказал – в-верен сказанному слову д-до конца.

Анна вздохнула.

– Все из-за меня, – помолчав, сказала она. – Вот же у меня характер!

– Б-был. – Юр положил руку ей на плечо. – Б-был. Теперь все станет по-другому, я так д-думаю. Т-ты едешь в обитель, н-нас с Витольдом посылают в к-какую-то дыру около п-плато Грускат, где мы б-будем постигать бухгалтерию и с-счетоводство. Кс-стати, поблагодари с-своего отца за заботу обо мне, если бы не его д-доброта, то уже вчера я бы был нищим, б-бездомным и б-безродным. А так хоть п-профессия появится, на к-кусочек хлеба заработать см-могу.

Анна заплакала.

– Д-да все нормально, т-ты не волнуйся. – Юр неловко погладил ее по плечу. – Т-ты еще станешь к-королевой, п-поверь. А если ч-что, то мы с Витольдом т-тебе поможем. Не так ли, д-дружище?

– Все зависит от награды, – пробурчал Витольд, ощупывая спину, которой за последние пару дней перепало немало розог.

– К-кто о чем... – покачал головой Юр.

Анна улыбнулась сквозь слезы и сказала:

– Об условиях мы договоримся, поверьте. Главное – королевой стать...

– Вот как-то так. – Костик уставился на Валяева, ожидая его похвалы или критики.

– Забавно, но не более, – Валяев почесал затылок. – Ты это на конкурс какой-нибудь отправь, может, в каком сборнике опубликуют. А для игры это никак. Что в этой компании будет делать игрок или даже игроки?

– Ну-у-у... – задумался Костик.

– Г-ну, – грубовато сказал Валяев. – Но персонажи любопытные, надо их состарить немного и прописать в квест с переворотом в Эйгене. Не скажу, что мысль очень необычная, но, полагаю, что не совсем и плохая.

Костик хлопнул глазами, тоже почесал затылок и закивал головой.

– А, кстати, да, – сообщил он Валяеву, который самодовольно улыбнулся. – Может выйти интересно и даже очень.

– Вот и иди, – напутствовал его Валяев. – Придумывай, пиши, потом мне расскажешь.

После того как за Костиком закрылась дверь, функционер «Радеона» набулькал себе коньяку, извлеченного из сейфа, и ухмыльнулся:

– Усыпальница, блин... Таких усыпальниц по Файролла...

В одну лихую ночь

– Вот не понимаю я, – сказал Валяев, вкусно затянувшись сигаретой. – Как так вышло, что Анна, брат Юр и Витольд общего языка не нашли. Вроде как они старые друзья, росли вместе. Когда между ними черная кошка пробежала? Костик, ты не в курсе?

– В курсе, – ответил ему Костик и поправил очки. – Это случилось почти двадцать лет назад, в Эйгене, в одну лихую ночь...

– Плохо дело, – сказал Гейнор, вбежав в небольшую комнатушку, а после спешно задвинув за собой засов.

Его камзол был распорот на боку, на кулаке запеклась кровь, но в целом этот высокий, прекрасно сложенный мужчина был невредим. Впрочем, это никого бы не удивило, Гейнор из рода графов Савойских славился как лучший клинок Западной Марки. Ну и как первый красавец при дворе славного короля Вайлера.

– Н-насколько плохо? – спросил у него Юр, устроившийся в углу в старом разваливающемся кресле. – Б-будь добр, изъясняйся п-понятнее.

Гейнор посмотрел на него с плохо скрываемой неприязнью, а после бросил взгляд на Анну, сидевшую на кровати в наспех наброшенном халате, из-под которого были видны ее распухшие ноги.

Она побледнела, услышав слова Гейнора, и положила ладони на огромный живот. Повитухи говорили, что она должна была родить еще неделю назад, но плод упорно не желал выходить на белый свет. Королевский лекарь было предложил его величеству Вайлеру дать принцессе специальное снадобье, которое поспособствует разрешению от бремени, но тот запретил это делать.

– Если уж не смогла зачать дитя как положено дочери короля, в достойном замужестве, так пусть хоть родит по-людски, – заявил он, сердито зыркнув на лекаря из-под густых седых бровей.

Надо отметить, что в последнее время он потихоньку менял гнев на милость. Сразу после того, как беременность принцессы стала очевидна, он было заявил, что видеть ее не хочет, и со дня на день выгонит из дворца, жить с нищими на улице. А до того найдет негодяя, который ей этого ребенка заделал, и будет его очень долго убивать. Очень долго. Может, даже устроит соревнование палачей.

Естественно, никого никуда не выгнали, но Анну при этом заперли в ее покоях, запретив их покидать. От былых вольностей не осталось и следа, четыре стены да потолок – вот и все, что теперь видела опальная принцесса.

А личность удальца, который ловко пробрался под ее одеяло, так и не выяснили, как ни старались. Анна же молчала, замыкаясь в себе, как только очередная служанка по наущению короля пыталась ее разговорить на эту тему.

В течение всего срока беременности король седьмой дорогой обходил коридор, который вел к комнате дочери, но в какой-то момент он смирился с тем, что случилось. Анна все-таки была его единственным ребенком. Единственным и любимым.

Проще говоря – оттаял король, и как-то вечером, не выдержав, пришел к ней, чтобы сказать, что если будет внук, то ладно, он его признает. А если внучка... Да тоже пусть будет. Может, хоть из нее толк выйдет.

Анна, выслушав его, расплакалась, что окончательно растрогало короля Вайлера, который не видел ее слез с тех пор, как дочери исполнилось семь лет. После же того, как он приложил руки к животу принцессы и ощутил, как тот, кто был внутри, пнул его в ладонь пяткой, все обиды развеялись, как дым на ветру.

Главное, в конце концов, то, что живая кровь предков не окончится на нем. И потом – это будет только его внук, так что, может, оно и к лучшему, что папаша неизвестен. Король сам его воспитает так, как должно, сделает этого мальчугана правителем и воином.

– Толкается, – жалобно сказала Анна, и попыталась встать. – Ох.

– Где повитуха, Юр? – зло спросил Гейнор. – Ты говорил, что ее приведут, и скоро?

– П-почти все слуги покинули д-дворец, Витольд лично отп-правился за ней в г-город, – тут же последовал ответ. – И это было всего полчаса назад. Он в-все делает б-быстро, но не н-настолько же? И п-потом – в Эйгене с-смута, во д-дворце р-резня. Не жди от него г-героизма, он не ты, он б-будет выбирать обх-ходные пути. И еще, на н-нашу удачу, н-ночь на дворе. Днем он вовсе н-никуда бы не п-пошел.

– Резня? – Анна все-таки встала с кровати. – Гейнор, это на самом деле так?

– Юр, ты болван! – прошипел воин. – Кто тебя тянул за язык?

– Т-твой распоротый к-камзол, – невозмутимо пояснил тот. – И желание, чтобы Анна п-представляла, что именно п-происходит. Она имеет п-право знать, что к

ч-чему.

– Говори, – потребовала Анна, подойдя к Гейнору. – Что именно творится в городе, и почему дело плохо?

– Анна, тебе достаточно знать то, что я смогу тебя защитить от всего на свете, – встав на одно колено, горячо сказал воин. – Волос не упадет с твоей головы.

– Мне безразлична моя голова, – устало сказала принцесса. – Для меня главное сейчас – подарить жизнь тому, кто у меня под сердцем. Потом – хоть смерть.

– Неужели ты думаешь, что я разделяю твою жизнь и жизнь нашего ребенка? – Гейнор прижал ладони к животу Анны и прикоснулся к нему лбом. – Вы – все, что у меня есть. Я уже отдал тебе свою честь и, если надо, отдам за вас всю свою кровь. Всю, до капли.

– Н-ну пока пострадала только ч-честь Анны, – заметил из угла Юр. – Это ее н-на всех углах честили п-потаскухой, которая п-плюнула на отца и свой р-род. А п-про графа Гейнора Савойского и слова никто н-не сказал.

– Я убью тебя, Юр, – сухо произнес Гейнор. – Ты же прекрасно знаешь, сколько раз я хотел пойти к королю, и во всем признаться? Анна запретила мне это делать.

– А т-ты и не сопротивлялся, – почти весело сказал Юр. – В с-самом деле – ж-желание женщины св-вято, как ему п-противиться? Ты месяцев д-девять назад тоже н-не сильно сп-порил, н-не так ли?

– Как же вы мне надоели с этими вашими бесконечными дрызгами, – простонала Анна, снова тяжело опускаясь на кровать. – Вы же братья!

– У меня нет брата, – сухо произнес Гейнор. – Я вообще не понимаю, что этот человек делает здесь.

– Сидит в к-кресле, – доброжелательно объяснил ему Юр. – И н-надеется услышать последние н-новости о том, что п-происходит во дворце.

На самом деле, он уже понял, что именно произошло там, где Гейнору распороли камзол. Это ему стало ясно по выражению лица брата и по тому, как тот отвел глаза во время вопроса, который задала ему Анна.

– Ты всегда был человеком дела, Юр, – принцесса нервно облизнула пересохшие губы. – Гейнор, ты нашел моего отца?

– Да, – граф с неприкрытой уже ненавистью посмотрел на своего родственника.

– Где он? – требовательно спросила Анна. – Почему не пришел с тобой?

– Любимая, – Гейнор попытался беспечно улыбнуться. – Понимаешь...

– Н-надо так п-понимать, что к-король мертв, – безжалостно произнес из своего угла Юр. – Верно, б-братец?

После этих слов принцесса словно заledenела и впилась глазами в лицо Гейнора. Тот помедлил секунду, и кивнул.

– Н-ну, этого и следовало ож-жидать, – прокомментировал происходящее Юр. – Б-беспечность в вопросах в-власти всегда п-приводит только к одному – ее п-потере.

Увы, но в очередной раз следовало признать, что он прав.

Где-то пять месяцев назад в Эйген, столицу Западной Марки, невесть откуда появился принц Федерик. Если быть более точным, принцем себя называл только он сам, да еще его свита, прибывшая с ним и более всего походившая на разбойничью шайку, для отвода глаз прилично одевшуюся.

Незванный гость истребовал аудиенции у короля, предъявил ему бумаги, подтверждающие тот факт, что Федерик является сыном королевской сестры, которая лет двадцать назад сбежала куда-то с молодым гвардейцем, раз сорок назвал его «дядюшкой», и в результате остался при дворе.

Уже тогда наиболее разумные придворные посоветовали Вайлеру выгнать новоявленного племянника вон, а еще лучше – тихонько удавить его вечером в

коридоре, тот же порекомендовал им не лезть в семейные дела венценосцев. Просто примерно в то же время как раз и выяснилось, что Анна непраждна, а потому король болезненно воспринимал любые разговоры, затрагивающие честь своей фамилии, которую, получается, носил и Федерик.

Собственно, именно эти придворные первыми и переметнулись на сторону принца через несколько месяцев. Они были разумными людьми, а потому быстро разобрались, кто, похоже, скоро будет сидеть на троне. Какая разница, как именуется король – Вайлер или Федерик, главное состоять при власти и всех тех благах, которые она дарит.

Надо отметить, что племянник короля оказался на редкость шустрым малым, ну или имел хороших советников на стороне. Он сумел склонить на свою сторону гвардию, ввести в город две сотни наемников и даже найти общий язык с Эразмусом дар Фронбахом, ректором Академии Мудрости. И все как-то исподволь, не привлекая общего внимания. Точнее – кое-кто все подмечал, но королю об этом не сообщал. Не хочет он ничего знать – ну и не надо. Ему же хуже.

Заговор (а это был именно он) за считанные месяцы созрел, как гнойный нарыв, а вчера прорвался.

Виной тому был все тот же Вайлер, который во всеуслышание заявил, что ребенок Анны унаследует его трон, разумеется, при том условии, что он будет мужского пола. А что будет мальчик, в этом король уверен, это определили лекари и подтвердили маги. Более того – маги предсказали, что того, кто находится в чреве принцессы, ждет великое будущее.

Федерика такой вариант совершенно не устраивал. Он не слишком надеялся стать официальным наследником Вайлера, но король был уже стар и неспособен к деторождению, именно потому он, принц, являлся наиболее вероятным претендентом на престол. Да, Анна вроде бы как была дочерью Вайлера, но она же женщина? Женщина, при наличии иной персоны королевской крови мужского пола, безусловно исключается из списка претендентов на трон Западной Марки, так было всегда.

И принц обещал всем тем, кто его поддержит сейчас, деньги, земли и должности после того, как он напялит на свою голову корону, которая, кстати, должна была

достаться ему абсолютно бескровным путем. Подданные любили короля Вайлера, и силовой захват власти мог не оправдать себя. Предполагалось, что в какой-то момент нынешнему монарху просто предложат передать бразды правления более молодому человеку, исходя из государственных интересов. Ну а сам Вайлер будет доживать свой век в почете и уважении где-нибудь в загородном имении. Подальше от столицы.

На такой вариант придворные и гвардия соглашались. А другой принц даже не рискнул им предложить, отлично понимая, что это для него хорошо не кончится.

И тут – на тебе. Еще один наследничек нарисовался.

Это препятствие следовало устранить. И принц с подручными взялся за дело.

В ход пошли кинжалы и яд, всего за сутки мир живых покинули последние верные королю советники и офицеры гвардии. На улицах Эйгена творилось что-то немыслимое, наемники Федерика убивали, насиловали и грабили, гвардия же бездействовала. Ее сдерживали оставшиеся офицеры, выполнявшие недвусмысленный приказ своего нового повелителя: «Не препятствовать».

Среди всего этого безумия по улицам таскались горластые типы в рванине и с посохами, оравшие, что:

– Король-то нас предал! Мы тут мрем, а он во дворце своем в три горла жрать и пить, нет ему до наших страданий делов! И дочка-то его – шлюха, шлюха! Что в ней за семя, кого она принесет? От кого она понесла? Не от демона ли, те, говорят, королевские кровя сильно уважают!

Озверевшие люди охотно подхватывали эти слухи и несли их дальше, как и водится, разбавляя новыми подробностями, выдуманными на ходу.

Вайлер уже ничего не мог сделать, он пытался пойти в народ, но толпа чуть не забросала его камнями. Он спрашивал совета у своих придворных, но те, заранее сговорившись, убеждали его, что такое бывает, мол – перекипят народные массы и успокоятся. До его правления такое тоже случалось – и ничего, обошлось как-то.

И в результате все пришло к закономерному финалу – король мертв.

– Они блокировали его в тронной зале, – отводя глаза в сторону, бормотал Гейнор. – Его и последних преданных ему людей. Я был среди них. Федерик приказал королю доброй волей передать ему власть, тот отказался и пообещал устроить с полсотни показательных казней. Короче – началась драка. Анна, король думал о тебе в этот момент. Он не стал пробиваться в южное крыло дворца, понимая, что тем самым подвергает тебя опасности, и попробовал пройти к центральному входу. Но там его уже ждали наемники, это я точно знаю. У него не было шансов спастись. Я ему это успел сказать, но король только засмеялся, а после велел мне найти тебя и вывести из дворца. Он не знал, что ты уже покинула свои покои.

– Т-то есть, король п-поручил тебе в-вполне конкретное з-задание, и р-расплатился за него свой ж-жизнью? – уточнил брат Юр. – А ты вместо этого ц-целуешь живот Анны и н-несешь всякий ром-мантический б-бред, воруя у нас драгоценные минуты? Это на т-тебя похоже.

Анна тихонько завывала, раскачиваясь на кровати, глаза ее при этом оставались сухими. Отец, самый главный мужчина в ее жизни, который всегда заслонял ее собой от ужасов мира, был мертв. Он ушел, и она осталась одна. Никто больше не стоял между ней и смертью.

– Я полагал, что Витольд уже здесь, – зарычал Гейнор, даже не поворачиваясь к Юру. – Думал, что Анна родит, а потом уже...

– И после этого т-ты говоришь, что т-ты думал, – вздохнул Юр, вставая с кресла. – Н-не льсти себе. Я же п-предлагал п-покинуть дворец еще два ч-часа назад, нас сейчас уже и в г-городе не было бы. А т-теперь п-почти нет ш-шансов на то, чтобы в-выжить. Хорошо хоть, что м-меня послушали и спрятались здесь, в к-крыле прислуги. Ув-верен, что часть з-заговорщиков даже не ждала т-того, когда убьют Вайлера, сразу н-направившись к покоям Анны. Т-там они ее не нашли, и сейчас п-проверяют все дв-ворцовые помещения. Раньше или п-позже доберутся и с-сюда.

В дверь забарабанили, скрежетнула сталь, – Гейнор моментально выхватил из ножен свой меч.

– Это я, – раздалось за дверью. – Открывайте, ну!

– Н-не психуй, люб-безный братец, – насмешливо сказал Юр, которого, похоже, совершенно не тронула новость о смерти короля. Ну или не удивила. – Вот и В-витольд.

Лязгнул засов, и в комнату ввалился худощавый невысокий человек, задышавшийся от бега. Это и был Витольд, третий младший помощник королевского казначея.

– Ф-фух, – отдышался он и вытер пот со лба. – Плохо дело.

– Повитуха где? – спросил у него Гейнор, сузив глаза. – Тебя же за ней посылали.

– Дома, – совершенно не испугавшись его, ответил Витольд, и шмыгнул красным хрящеватым носиком. – Она не дура. Сейчас все умные люди по домам сидят, и правильно делают. Так что давайте, собирайте принцессу и вперед.

– Как? – граф показал на Анну, которая все еще пребывала в прострации. – Она почти не в себе, да и ходить ей тяжело. Ты на нее посмотри.

– Поясню для ясности – в соседнем крыле какие-то молодцы в черных плащах выламывают двери во всех помещениях, – Витольд коротко глянул на Юра. – Интересно – зачем? Кого ищут? Я не знаю. А вы?

– Ч-что и требовалось д-доказать, – пожал плечами тот.

– Короче, – Витольд приоткрыл дверь, прислушался, кивнул и продолжил: – Или уходим прямо сейчас, через подвалы, или, уж извините, но я сваливаю тем же путем, но уже один. Я Анне друг детства, это так, но жить мне хочется. И желательно – долго. Юр, ты со мной?

– Р-разумеется, – подтвердил тот, подошел к принцессе, и со всего маха отвесил ей пощечину, потом еще одну.

Анна перестала завывать, и с изумлением посмотрела на него.

– Ттты!!! – вскипел Гейнор и было дернулся вперед, но его остановил запрещающий жест принцессы.

– Спасибо, Юр, – сказала она. – Не слишком учтиво, но зато действенно.

– Потом поплачешь. – Юр протянул ей руку. – С-сейчас надо покинуть дворец. Ты должна д-думать не о себе, а о том, кто в тебе. О п-последнем из рода Альбиусов.

– Когда я думала о себе? – невесело спросила у него принцесса и охнула, с трудом поднявшись на ноги.

– Быстрее. – Витольд нервно хрустел пальцами. – Чую, они скоро здесь будут, голоса слышны. Или кто из слуг притащится и нас увидит. Это такой подлый народ, они непременно расскажут Федерику, кто помог принцессе сбежать.

– Тебе-то что? – Гейнор оттолкнул Юра от Анны, взяв ее под руку. – Ты же не собираешься этому подонку служить?

Юр, взявший из угла свою наплечную сумку, услышав это, хмыкнул.

– Я? – Витольд ткнул себя пальцем в грудь. – Конечно, нет. Но, с другой стороны, – кто-то из верных слуг старой фамилии должен тут остаться, так ведь? Чтобы вовремя предупредить нашего славного короля и ненаглядную Анну о том, что замыслил Федерик. Он ох какой злокозненный! Юр не может, тебе честь не позволит, кто остается? Я. А значит, мне нельзя себя вот так сразу компрометировать.

– Р-разумно, – сдержав улыбку, заметил Юр. – С-свой среди чужих.

Молодые люди успели покинуть комнатку почти в последний момент, задержись они там еще минут на пять, и не миновать им встречи с десятком хорошо вооруженных подручных нового короля Западной Марки.

Удача была на стороне Анны и ее спутников, они все-таки смогли добраться до дома повитухи, которая, на удачу, жила не так далеко от дворца. Дорога далась тяжело, Анна несколько раз чуть не потеряла сознание, поскольку ребенок, так

упорно не желавший являться на свет, теперь запросился наружу. Мужчины фактически несли ее на руках – другого выхода не было.

– Воды отошли, – заявила повитуха, только глянув на пребывавшую в полубытьи принцессу. – Как она дорогой у вас не родила?

– Ч-чудом, – ответил ей Юр.

– Делай что-нибудь, – нервно потребовал Гейнор. – Ну!

– Хорошо, – покладисто согласилась повитуха, тетка мордатая, немолодая и, похоже, не боящаяся ничего. – Давай-ка, красавчик, выметайся отсюда на улицу, и вон того прохиндея с собой забирай. А ты, заика, мне помогать будешь. Иди, руки помой, да как следует, слышишь? Занесем девке заразу какую, да и сгорит она вмиг. Все ж таки королевская дочка, жалко будет. И папаша ее мне этого не простит, коли жив останется.

– Это вряд ли – пробормотала Анна. – Папа мертв.

– Эх ты! – похоже что искренне расстроилась тетка. – Славный был мужчина. Видный.

– Король убит? – Витольд посмотрел сначала на Гейнора, потом на Юра. – Это точно?

– Точнее не бывает, – хмуро буркнул граф.

Юр досадливо поморщился.

В этот момент Анна закричала в голос, схватившись руками за живот.

– Вон! – коротко скомандовала повитуха двум мужчинам и рыкнула на Юра: – Мойся, тебе говорю!

Юр за свою жизнь, не очень долгую, но при этом яркую, видел много всякого разного, но все это меркло перед тем, что ему довелось испытать за эти несколько предрассветных часов.

– Ж-женщины – странные существа, – сообщил он повитухе, принимая у нее из рук плачущего ребенка. – П-пережить такие м-муки и б-беременеть снова? Н-не понимаю, решительно н-не понимаю.

– А тебе и не надо, – буркнула повитуха, ловко перевязывая пуповину. – Вам только бы война да пьянка, вот и вся ваша жизнь. Детки же – они всегда при нас. Жалко, что парень родился, ей бы девочку лучше.

– Мальчик? – еле слышно спросила Анна. – Мальчик?

Она протянула руки к Юру.

– Дай ей дите-то, – велела повитуха и с жалостью посмотрела на бледное, в испарине, лицо принцессы. – Измаялась, бедная, порвалась вся.

– Д-даже не желаю знать, что в-вы имеете в виду, – поспешно сказал Юр, сунул ребенка Анне, и направился к выходу. – П-пойду воздухом подышу.

Он был у самого порога, когда дверь резко открылась, буквально сшибив его с ног, в следующую же секунду его вздернули вверх крепкие руки королевских гвардейцев и припечатали к стене.

– Это, видимо, Юр, – сообщил кому-то тщедушного вида юноша с редкими волосами, вошедший в дом. – А вот и моя родственница. Разродилась-таки? Эх, не дожил дядюшка Вайлер до радостного события. И кто у нас?

Анна прижала ребенка к груди, словно пытаясь его скрыть от взгляда юноши.

– Чего молчим? – в голосе вошедшего послышалась угроза.

– Мальчик, – поспешно сказала повитуха. – Крепенький такой.

– Ну, есть в кого, – заметил юноша. – Отец-то у него хоть куда. Хоть куда, хоть кого и хоть где.

Юноша засмеялся над своей шуткой первым, его поддержали еще двое вельмож, вошедших в дом. А вот Гейнор, которого тоже втащили в комнату, этого веселья не разделял. Он только вертел окровавленной головой, по которой его, похоже, здорово ударили, да зло поглядывал на двух воинов, которые заломили ему руки за спину.

Зато смеялся Витольд, вошедший следом за Гейнором. Он даже похлопывал себя по бокам, показывая, как ему весело, и пару раз подмигнул брату Юру.

– Ну, Анна, и что делать будем? – юноша нагнулся и изобразил что-то вроде «козы», поднеся пальцы к самому носу малыша. – С одной стороны, вы вроде мне как родственники. С другой... Ты же сама все понимаешь?

– Федерик, если так нужно – убей, – тихо, но твердо произнесла Анна. – Меня – убей. Но он пусть живет. Он же даже знать не будет, кто его родители.

– Мир не без добрых людей, – сказал один из двух подручных. – Найдут, просветят. Обоих надо того...

– Надо бы, – Федерик шмыгнул носом. – Но, с другой стороны, – кто они теперь? Все бумаги, подтверждающие их право на престол Эйгена, сожжены, я – король, это признали подданные и глава Академии Мудрости. Другое дело вон тот красавец.

И Федерик подошел к Гейнору, который уставился на него.

– Зверь, – с восхищением сказал новый король Запада. – А что ты с мечом творишь! Девятерых зарубил в тронной зале, я видел. Вайлер был дурак, не ценил тебя. Я же знаю, что ты его предупреждал о том, что созрел заговор. Все прозевали, а ты заметил. Мне бы таких, как ты, с пару тысяч, я бы весь Раттермарк завоевал.

– Жаль, король не послушал меня, – прохрипел Гейнор и мотнул головой. – Сейчас этого разговора не было бы.

– Ну да, – кивнул Федерик. – А еще мне говорили, что ты человек слова. В тебе вообще воплотились все черты героев древности – ты честен, благороден и

верен своему слову до конца. Это так?

– Так, так, – подал голос Юр, по-прежнему прижатый к стене. – Я п-потому всегда идиотом его и н-называю.

Федерик без особой симпатии посмотрел на него.

– Мы братья, – пояснил Юр, верно истолковав его взгляд. – Р-родные.

– А, – понимающе кивнул король. – Брат. Понятно. Ну да, иметь такого родственника всегда обидно. Он красавец и силач, а ты тщедушный мозгляк. Я бы тоже считал его идиотом. Но я – не ты, и у меня другое мнение на его счет. Даже не мнение. У меня к твоему брату есть вполне конкретное предложение.

Гейнор перестал дергаться в бесплодных попытках освободить руки, и уставился на Федерика.

– Служи мне, – задушевно сказал ему тот. – Нет, не так. Вон видишь тех двоих? Маму и дитя? Я отпущу их, если ты поклянешься стать моим начальником охраны. Заметь – я не прошу клятвы на крови, я не требую от тебя чего-то такого. Просто дай мне слово чести, что ты будешь защищать меня и мой трон до той поры, пока я сам не освобожу тебя от этой обязанности. Мне этого будет достаточно.

Гейнор криво улыбнулся.

– Я устал, – сказал король, и снова подошел к Анне. – Я хочу выпить и вздремнуть часиков восемь-десять, у меня позади очень долгая и тяжелая ночь. А народу сколько полегло – ужас. Давай не будем умножать этот счет, а?

Федерик резким движением вырвал ребенка из рук Анны, а после отвесил ей пощёчину, когда та было запоздало дернулась.

Анна закричала, страшно, нутряно, но спутники короля уже навалились на нее, закрыли лицо подушкой и начали душить.

– У тебя есть где-то полминуты, – дружелюбно сообщил Гейнору Федерик, подходя к корыту с водой и кровавыми сгустками, тому, в котором повитуха руки споласкивала. – Потом она умрет. Да и это отродье – тоже.

Он перехватил ребенка за правую ножку и опустил руку так, что головка малыша почти касалась воды.

– Здесь не река, не море, но ему хватит, – король потрогал второй рукой воду. – Остыла уже совсем. Ну что, граф, решайте. А то вон ваша возлюбленная уже и ногами сучить почти перестала.

– Да, – выпалил Гейнор, лицо которого сейчас было не слишком похоже на человеческое. – Да, мой король.

– Был уверен в том, что мы поладим, – владыка Западной Марки пискляво засмеялся и махнул рукой.

С лица Анны сняли подушку, она глубоко вздохнула и закашлялась.

– На. – Федерик сделал несколько шагов к кровати и небрежно бросил ей ребенка. – Забирай. Живите. Эй, отпустите-ка моего нового начальника королевской стражи.

Спутники короля переглянулись, но сделали то, что он приказал, хоть и с видимой неохотой.

Гейнора отпустили, он повел плечами, которые изрядно затекли, размял запястья.

Федерик встал напротив него, и с полуулыбкой вручил ему меч в ножнах. Меч самого Гейнора.

– Начальник стражи без надежного клинка будет выглядеть смешно, – величественно, с его точки зрения, произнес он.

Граф взялся за рукоять меча и обнажил клинок.

В руках воинов за его спиной блеснула сталь кинжалов, они нацелились на спину нового начальника стражи.

Гейнор посмотрел на короля, на Анну, на ребенка, после встал на одно колено и глухо произнес:

– Я, граф Гейнор Савойский, клянусь верой и правдой служить моему новому повелителю, королю Запада Федерику Седьмому. Обязуюсь защищать его от врагов, тайных и явных, карать тех, кто замыслит против него зло и, если понадобится, умереть, защищая его жизнь. Порукой этому слову выступает честь моего рода, и пусть он прервется навеки, если я нарушу эту клятву.

– Верно, – хлопнул в ладоши Федерик. – Я же седьмой по счету король с таким именем. Вот граф молодец, сразу видно – настоящий царедворец, все помнит. Не то что вы, отребье.

Он похлопал так и стоящего на одном колене Гейнора по плечу, а после потрепал по щеке.

Воины за спиной графа не опускали кинжалы, готовые пустить их в ход в любой момент.

Но Гейнор и не подумал выказывать недовольство. Внутри у него все кипело и клокотало, но клятва была дана и нарушить ее он никак не мог, это было совершенно невозможно.

– Вот и хорошо, – Федерик жестом приказал графу подняться. – Я король, слово мое нерушимо, эта женщина и этот ребенок будут жить. Но вы, граф, с ними больше никогда не увидите, потому что они сегодня же навсегда покинут Эйген. Сударыня, вы слышите меня?

Анна кивнула, прижимая к себе ребенка.

– Повторю, – жестко сказал Федерик. – До наступления темноты вас не должно быть в моем городе. Ослушаетесь – и тогда вам смерти точно не миновать. И это не все. К концу недели чтобы духа вашего не было в моем королевстве, причем навсегда. Если вы посмеете сюда вернуться, я об этом узнаю, и тогда... Ну, вы

же поняли меня?

– Да, – сипло произнесла Анна.

– Да, ваше величество, – не мигая, уставился на нее Федерик.

– Да, ваше величество, – повторила принцесса.

– Вот, очень кстати, – щелкнул пальцами король. – Титулы. Вы более не имеете права их носить. Ты отныне никто, поскольку принцессы Анны, дочери короля Вайлера, более не существует. Нет, как порядочная самозванка ты можешь присвоить себе какой-то титул, например, назваться княгиней, но с геральдических листов Запада твое имя исчезнет навеки. Ты просто гулящая девка, прижившая ребенка невесть от кого. Все ясно?

– Да, ваше величество, – срывающимся голосом подтвердила Анна.

– Вот и хорошо, – Федерик посмотрел на воинов, все еще прижимавших Юра к стене. – Да вы отпустите его. Все-таки брат моего начальника охраны.

Те выполнили команду, и Юр рухнул на пол, как мешок с картошкой.

Федерик направился к выходу, по дороге одарив улыбкой и одобрительно потрепав по плечу Витольда.

На пороге он обернулся и спросил у Анны:

– Как ребенка назовешь? Может, в мою честь? Я же все-таки тебе жизнь подарил, хоть мне и не советовали этого делать.

– Вайлериус, – ответила женщина. – В честь того, кто мне на самом деле жизнь подарил. Ты же ее только сохранил.

– Не знаю, не знаю, – потер руки король. – Называть только что рожденного в честь того, кто несколько часов назад сдох в муках... Дурная примета, не будет этому щенку счастья. Но – дело твое.

И он вышел из дома.

– Юр, – угрюмо произнес Гейнор. – Ты...

– Я все с-делаю, – отозвался тот. – Иди, т-тебя ждет хозяин, а эт-то неправильно. В-ведь все должно б-быть наоборот.

Гейнор скрежетнул зубами, бросил взгляд на Анну, и шагнул в дверной проем.

– Так, – засуетилась повитуха, как только последний человек из свиты нового короля покинул помещение. – Ты это, женщина, давай не разлеживайся. День быстро пролетит, не хочу я, чтобы нас всех вместе вечером в моем доме спалили.

– Н-не шуми, – попросил ее Юр, так и не поднявшийся с пола. – Уйдем мы. Ты баба ушлая, в-всех тут небось з-знаешь, потому п-подряди-ка нам возчика до Р-рауха. На, л-лови, тут и тебе хватит, и т-тому, кто за эту работу в-возьметсЯ. Да, вот еще ч-что. Н-не надо этому ч-человеку з-знать, кого он везет. Скажи, что это п-племяшка твоя. Н-ну, или сестра м-младшая.

И он бросил повитухе приятно звякнувший мешочек.

– Золото? – сразу сунула туда нос любопытная баба. – Оно! Будет вам возчик, знаю я кого подрядить. Самый для вас подходящий человек – неразговорчивый, и живет один. Бобыль он, стало быть, да еще и горбун, Реджи зовут. Ежели даже и не вернется, так его никто и не хватится.

Минутой позже в доме остались трое.

– Тварь ты, – неожиданно спокойно сказала Анна, глядя на Витольда. – Мерзкая тварь.

– Т-ты несправедлива к нашему об-бщему другу, – заметил Юр, с кряхтением поднимаясь с пола. – В-вообще-то он нам ж-жизнь спас. Н-не без выгоды д-для себя, но тем н-не м-менее.

– Хоть кто-то мои труды оценил, – притворно-обиженно сказал Витольд. – Стараешься для вас, стараешься...

– В первую очередь для себя, – заметил Юр. – Ты же знал, что вероятность нашей смерти довольно велика.

– Меньше, чем при любом другом раскладе, – уже не играя, ответил ему Витольд. – Вас все равно бы нашли и просто перерезали.

Анна с недоумением слушала эту беседу, потом не выдержала и грязно выругалась, глядя на Витоляда.

– Мне говорили, что, родив ребенка, женщины невероятно глупеют, – заметил Юр и обратился к Анне. – Ты ничего не поняла? Он предал нас, но по уму. Витольд знал, что Федерику по душе гейнор, он мечтает его получить себе в начальники охраны, а потому на ходу придумал план, как оставить тебя и ребенка в живых.

– Еще отсюда не вышел, а уже придумал, – похвастался Витольд. – И ведь – как по нотам.

– Правда, в этом плане сам Гейнор теряет все, но его ему и жалко не было, – продолжил Юр.

– Он идиот. Я когда по башке этому дуболому камнем брякнул, так даже звука не услышал. Она у него из дерева, – подтвердил остроносый хитрец. – Так чего его жалеть? Я вообще не понимаю, как ты под него легла.

– В результате, ты и ребенок живы, а сам Витольд получил... – Юр посмотрел на приятеля. – А что ты получил?

– Должность в королевской канцелярии, – с достоинством ответил ему Витольд. – И не рядовую. Давно мне надоело казначейство, хочу пересесть поближе к престолу.

– Пожалуй, что сегодняшняя ночь была для тебя куда удачней, чем для всех остальных, – подытожил Юр. – Чистая работа, приятель.

– Не слишком, – сообщила им Анна. – Кое-где он наследил.

– Где? – удивился Витольд.

– Как-нибудь потом расскажу, – Анна пошевелилась. – Юр, поддержи ребенка. У нас мало времени, я попробую встать.

Юр принял у нее малыша, посмотрел на его сморщенное личико и неожиданно улыбнулся.

– Нет, дружок, ты не уб-блюдок и не б-бастард, – сказал он жмурящемуся младенцу. – Ты п-принц. Принц В-вайлериус.

– А я дядя Витольд, – добавил сбоку новый сотрудник королевской канцелярии. – Если что – я тебе всегда помогу.

– Ну а я когда-нибудь расскажу тебе, что на самом деле случилось той ночью, которая стала днем твоего рождения, – подытожила Анна и бросила, обведя взглядом лица своих старых друзей: – А там ты сам решишь, кто ты, и что тебе делать.

Мюрат. Три свитка Миррона

Мюрат вытянул ноги – как ни крути, а сидеть почти полтора часа на не очень-то и удобном стуле хлопотно. Но – надо, все-таки его впервые пригласили на совещание такого уровня. Пусть как стороннего наблюдателя, пусть только с правом совещательного голоса, – но пригласили. А это и престижно, и полезно. В свете же последних событий – попросту необходимо. Но как же ноги затекают, даже несмотря на то, что это виртуальная реальность.

– Итак, подытожим. – Седая Ведьма, лидер клана «Гончие Смерти» обвела глазами присутствующих. – Еще раз – кто что делает? Седрик, ты говоришь первым.

Седрик Секира, координатор будущего рейда, великолепный боец со всеми шансами на то, чтобы в ближайшее время занять должность кланмастера, вместо постоянно отсутствующего и, по слухам, капитально бухающего Теодеса, встал и ответил:

– Мое место изначально у городских стен. После того, как они падут, я со своим штурмовым отрядом иду к дворцу шаха. До того я в бой не вступаю.

– Верно. – Седая Ведьма знаком показала, что он может сесть. – Дренг, твоя роль.

Дренг, один из главных бойцов клана односложно ответил:

– Стены. Дальше – поддержка Седрика.

– Хорошо. – Ведьма ткнула пальцем в маленького рогу с серьезным лицом. – Торник, твоя цель?

– Держаться позади штурмовой группы, по мере прохождения вскрывать все, до чего сможем дотянуться.

Так, по одному, ответили все лидеры основных направлений грядущего штурма.

Он же предполагался нешуточный. Миррон, один из заброшенных и полумифических городов Востока, открывался не вдруг и не всякому игроку. Для того, чтобы увидеть его стены, клан выполнил цепочку, состоящую из почти двух десятков квестов – и очень непростых.

Изначально удача улыбнулась игроку под ником Алдан. В пустыне, в каких-то экзотических развалинах, он обнаружил сосуд, практически занесенный песком. Кой черт занес его в самое сердце пустыни, он потом и сам не мог сказать. Но факт остается фактом – Алдан этот сосуд нашел и открыл. Оттуда, как полагается, вылез джинн и выдал ему задание, после чего испарился, гнусно выругавшись напоследок по-восточному.

Задание оказалось из разряда скрытых, да еще и не одиночное, а цепочка. Алдан влетел под домашний арест, скорее всего, проклянув и джина, и пески, и

все на свете, поскольку в свободную игру до окончания квеста ему вернуться не светило. Понятное дело, чтобы он не сорвался и вел себя примерно, ему пообещали кучу плюшек в игре, а его банковский счет в реале потяжелел на весьма серьезную сумму.

Клан проходил одиночные задания и инстансы, особенно переживая во время одиночных – кто его знает, сложится, не сложится? И вот, наконец, заветная цель – в предпоследнем задании цепочки была получена карту затерянного города Миррона, который появляется лишь один раз в году, на три часа, после произнесения заветных слов. Причем слова каждый раз меняются, и с той же картой на следующий год ты вряд ли его сможешь найти.

Но кроме того, что город надо найти, его еще и надо за эти три часа взять на меч, что тоже не очень просто – с городом из-под песков появляется и его население, а это не только мастера, чайханщики и караванщики, которые, бесспорно, грудью встанут на защиту родного города, но и городская стража на пару с гвардейцами падишаха. Так что задача предстояла не просто очень сложная, невероятно сложная. За три часа надо захватить город, добраться до дворца падишаха и, перебив там всех, вынести его сокровищницу.

Именно она, сокровищница, и является наградой квеста. Там, судя по списку наград, должны быть три полных сетовых набора, куча предметов попроще, но не ниже элитных, около полусотни ограненных гномами Сумакийских гор камней для инкрустации оружия (а это очень и очень дорогое удовольствие), и несколько свитков, предположительно числом до семи штук, с высокоуровневыми и крайне редкими заклинаниями.

Вот и сидела на неудобных стульях элита клана, планировала рейд, благо карта самого города была, – хоть квест был скрытый и редкий, но до этого его все-таки кто-то успел пройти, а сделав это, составил карту Миррона. На дороге она, разумеется, не валялась, но когда серьезному клану что-то нужно, то он это добудет.

А поскольку Серая Ведьма исповедовала авторитарную демократию, было приглашено несколько молодых игроков клана, из тех, что подают большие надежды. Среди них был и Мюрат – боец шестьдесят первого уровня, уже хорошо показавший себя в нескольких инстансах, умудрившийся выжить в рейде на Клаторнаха, и не просто выжить, но и организовать в момент разброда после гибели всех офицеров три десятка растерявшихся бойцов, среди которых

имелись даже те, кто повыше его уровнем, а после довести дело до конца. Этим он обратил на себя внимание Фитца, одного из старейших игроков клана, а тот довел свои наблюдения до Седой Ведьмы.

Ведьма же подумала, да и пригласила перспективного игрока на совет.

– Ну. – Седая Ведьма потерла руки. – А что нам скажет наша молодежь? Милли Ре, тебе слово.

Милли Ре, девушка-воин с совсем невысоким уровнем (по слухам, раньше он у нее был куда выше, но после какой-то темной истории понизился, что было делом совсем уж небывалым. Что там вышло на самом деле – никто не знал, но Седая Ведьма выделяла ее из прочих), встала и высказала свое мнение, заключавшееся в том, что план очень хорош, но вот только ее, Милли Ре, не надо оставлять в обозе, а следует пустить вперед, на предмет ударной силы.

В таком же ключе выступали и все остальные ораторы, которых Мюрат слушал вполуха, размышляя о своем и взвешивая все «за» и «против». Впрочем, этим он занимался уже полтора дня, с момента некоего разговора.

– Мюрат, твое мнение? – Седая Ведьма, улыбнувшись кивнула ему.

Мюрат встал, обвел глазами собравшихся и тоже улыбнувшись, негромко сказал:

– Все, что тут все это время говорили, это здорово и правильно. Это правильно и с точки тактики, и с точки стратегии, и даже с точки зрения честного боя. Но это не совсем верно с позиции достижения цели рейда.

– Поясни, – нахмурился Седрик, основной автор плана рейда. – Что ты имеешь в виду?

– Айн момент, мой генерал, – лукаво прищурился Мюрат и продолжил вещать своим бархатным голосом. Он вообще всегда говорил очень примечательно – вполголоса, немного загадочно и слегка иронично. Возникало ощущение, что он рассказывает собеседникам какую-то скрытую информацию, причем по секрету и только им. – Какова цель рейда, высокое собрание?

– Завершить квест, – бухнул Фитц.

– Взять город, – дополнил Секира.

– Не темни, – потребовала Милли.

Ведьма промолчала, покачивая головой.

– Нет, не так, друзья мои, точнее – не совсем так. Цель рейда – вынести закрома дворца. Желательно целиком, и желательно без потерь. Потери случатся, это неминуемо, а вот закрома... Не факт, что мы их заберем, особенно если действовать так, как было предложено здесь.

– Изложи свой вариант, – потребовал Седрик. – Если он будет неплох – я готов его обсудить.

Мюрат поаплодировал себе в душе – первый рубеж взят.

– О чем речь? – Мюрат принял деловой вид. – Что я предлагаю – после падения стен и входа в город основная масса бойцов идет к дворцу по главной улице. Это правильно, с этим я согласен. Одновременно несколько маленьких групп – немного, три-четыре, не больше, по разным боковым улицам города идут к дворцу. Сопротивления там быть не может, все основные силы противника будут на главном направлении, а пять-десять горожан мы всегда сможем прирезать, штрафов тут не наложится, они же изначально агрессивны по отношению к нам. Группы подходят к дворцу с тыла и проникают внутрь в тот момент, когда основные силы клана начинают его штурм. Опять же – все на защите входа. Кто будет у сокровищниц? Пара стражников, которых убить ничего не стоит. Ну а дальше – дело техники.

Мюрат хлопнул в ладоши.

– Независимо от результата штурма, мы все равно что-то да уносим в своем клюве. А что-то – это лучше, чем ничего.

Фитц нахохлился.

– Мне это не по душе, – пробурчал он. – Как-то это...

– Ну да. Не слишком достойно воина, – закончила его фразу Седая Ведьма. – Немного по-читерски и некрасиво. Согласна, но это игра, и нашу цель Мюрат сформулировал абсолютно верно. И еще – очень толково спланировано и изложено. Что вы на меня смотрите? Вроде бы простенько, а из офицеров никто до этого не додумался.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил лидера Мюрат.

– Какие по размеру должны быть группы? – Седая Ведьма остановилась напротив Мюрата. – Твое мнение?

– Пять человек, – тут же ответил тот. – Четыре воина и вор, задача последнего – замки и ловушки. Не больше. Иначе будет трудно остаться незаметными.

– Еще раз молодец. – Ведьма несколько раз хлопнула в ладошки, выражая свое одобрение. – Что-то еще?

– Ну как творцу идеи, мне бы хотелось попасть в одну из групп, – застенчиво сказал Мюрат.

– Хорошо. – Ведьма кивнула. – Седрик, распорядись.

Несколькими днями позже где-то в песках Восточной Марки.

Ворота наконец-то рухнули. Путем огромных усилий и потерь, которые составили не менее четверти личного состава клана, путь в город был открыт. Седрик возглавил штурмовую группу, как и планировал изначально, он был очень взбудоражен и адски зол, поскольку все еще был под впечатлением от взбучки, которую устроила ему Седая Ведьма. Причем нагорело ему не столько за потери личного состава – тут ничего страшного по факту не случилось, это игра, никто ведь по-настоящему не умирает. Взбучка была за потерянное время. Вместо планируемых 50 минут клан потерял под стенами Миррона почти два часа, а впереди была еще не слишком-то короткая главная улица и дворец,

который еще захватить надо. И на мародерку время тоже нужно, причем не пять минут, а поболее того. В этой ситуации на Мюрата смотрели уже не с усмешкой, а вполне серьезно и даже с уважением, – ишь как ситуацию предугадал.

Как только штурмовой отряд отошел от ворот на достаточное расстояние, на внешне абсолютно пустынные боковые улицы Миррона проскользнули четыре группы диверсантов-добытчиков. Да и откуда там кому взяться, если все местные мужчины, способные носить оружие, были там, где разворачивалась главная битва, или уже полегли под стрелами и файерболами на стенах.

– Бегом, – скомандовал Босх, лидер группы, к которой был приписан Мюрат. – Время дорого.

Группа припустила по кривой улочке, бежали цепочкой, один за другим, затылок в затылок. До дворца, выдерживая такой темп, они должны были добраться минут за семь, как раз к тому времени, когда туда дойдет бой.

– Ллля-ихху! – на спину замыкающего цепочку Ланга из-за приземистого глинобитного забора свалился смуглый подросток с кривым ножом. – Ллля-исса, умры!!!

Кинжал чиркнул по горлу воина, уровень жизни у того скакнул в желтый сектор.

– Твою мать! – негромко, но эмоционально выдал Босх, одним ударом сбивая парня со спины Ланга на землю. – Чтоб тебе!

Еще один удар прервал жизнь НПС, но из-за забора выскочили еще трое.

– Да что за Мальчиши-Кибальчиши, а? – не выдержал Герв, опытный рога, приданный группе Босха. – И братья ушли, и отцы ушли, а эти, чтоб им, остались!

– Идите, – прохрипел Ланг. – Я их сам!

Он загородил дорогу своим телом, благо улица была узкая, его альшпис, на первый взгляд неудобный для боя в помещении, но такой уместный тут, описывал восьмерки в воздухе. Смуглые опасливо смотрели на него, но не

отступали, сжимая в руках кинжалы.

– Уходим, – скомандовал Босх. – Бегом!

Звон стали еще некоторое время слышался, но после группа ушла уже достаточно далеко, чтобы понять – жив еще их собрат по оружию или уже нет?

Бой шел у входа в дворец, Седрик явно спешил и не слишком считался с потерями. Площадь перед входом превратилась в поле брани, пока не было понятно, за кем будет победа.

– Месиво. – Герва передернуло.

– Война, – философски ответил ему Мюрат. – Вон в то окно полезем, проверь его.

Он присел, Герв влез ему на плечи и ловко вскарабкался по стене к большому окну, забранному узорной решеткой.

– Остальных не видно, – Босх оглянулся вокруг.

– Да и с чего бы? – Мюрат пожал плечами. – Дворец здоровый, сокровищницы в четырех разных концах. Да и не дойти могли, просто-напросто.

Сокровищницы и впрямь были разбросаны по разным концам дворца. Каждая группа шла в свою, конкретную сокровищницу, чтобы забрать там вполне конкретные ценности. В южной это было оружие, в северной – доспехи. Мюрату дано было право выбрать группу, в которую он должен попасть, и он остановился на группе Босха, той, что шла в восточную сокровищницу за свитками.

– Ага, здоровый дворец, – согласился с Мюратом четвертый член группы, мечник Фларг. – Не успеют наши его весь обшмонать, меньше часа осталось.

– Для того мы и здесь, – прошипел Босх. – А ну, заткнулись оба!

Сверху упала веревка, секундой позже высунулся Герв.

– Давайте живее, – замахал рукой он. – Не тяните.

Окно было выбрано удачно, комната, в которой оно располагалось, была совершенно пуста.

– Отлично. – Босх потер руки. – Герв, открывай дверь, только осторожно.

За дверью был коридор, тоже пустынный.

– Бог любит пехоту. – Босх бодро пошел в восточном направлении, на ходу говоря:

– Мы с вами на втором ярусе дворца, сокровищница на четвертом.

Дворец внутри, как водится, был куда больше, чем снаружи. Группа поднялась по лестнице на третий ярус и снова шла по коридорам, теряя драгоценные минуты, но им все еще везло – все было пустынно, ни стражи, ни гвардейцев, ни даже евнухов. Но все когда-нибудь кончается, и это всегда происходит некстати. Вот и тут – лестница, ведущая на четвертый ярус, была уже видна, когда...

– Воры! – завопила какая-то гражданка с замотанным лицом, столкнувшись нос к носу с Фларгом. – Воры! Стража!

– Мы не воры, мы насильники, – сообщил Герв, нанося ей несколько ударов в живот своим небольшим кинжалом. – Молчи, дура, счастья своего не понимаешь!

– Воры! – громыхнул мужской голос. – У гарема воры!

– Все, уходите. – Фларг толкнул напарников в сторону лестницы и заорал:

– Всех жен шаха покрою! Ох, всех благодетельствую!

Громко топая и стуча мечом по стенам, он побежал по коридору в обратном направлении.

Трое оставшихся диверсантов успели добраться до лестницы ранее того момента, когда вслед за Фларгом прогрохотал сапогами десяток-другой стражи. Война-войной, а гарем без охраны нельзя оставлять.

– Убежит, – уверенно сказал Герв. – Там такой резерв по времени!

– Чего встали? – Босх выругался. – Вперед!

Мюрат тоже понимал, что дело плохо. Времени почти не было, и это ставило под удар все его планы. Плюс еще две задачи, которые надо решить...

– Вон там. – Босх ткнул рукой в восточном направлении. – Там должна быть витая лестница, она и есть путь к сокровищнице. Пошли!

Мюрат шел замыкающим, поэтому он заметил стражников последним.

– Стража сокровищницы, – довольно хрюкнул Босх. – Пришли, стало быть!

Стражи были неслабые, все как один восьмидесятого уровня.

– Не разделяю твоей радости, – хмыкнул Мюрат. – Их четверо, и все здоровые, как лоси.

– Не бздо. – Босх крутнул свою секиру. – Порубим как елочки!

– Герв, мы их уведем в сторону, – шепнул Мюрат роге. – А ты давай, иди, дверь вскрывай, не теряй времени!

Герв кивнул, пристально смотря на витую лестницу.

Босх был в бою красив, как молодой бог. Он лихо крутил свою секиру, уходил от ударов и наносил их, он словно танцевал, и вот уже двое противников валяются на полу. Нет, и его не миновали клинки, здоровье уже в красном секторе, все-таки четверо врагов – это четверо врагов, но он воин, боец и не из последних. Опять же – Мюрат вроде держится. Молодец, салага!

– Открыл! – заорал Герв сверху. – И ловушку снял!

– Красава! – гаркнул Босх, уворачиваясь от удара скимитаром.

И добил бы он оставшегося врага, кабы не ваза, невесть почему упавшая ему прямо под ноги, да еще и вместе со стойкой, на которой она стояла. Босх запнулся, упал и одного удара врага, с оттягом рубанувшего его по шее, хватило для того, чтобы стать коконом с вещами.

– Иххха!!! – завопил стражник.

– Герв! – крикнул Мюрат. – Герв, Босх спекся!

– Как? – рога выскочил на площадку и был немедленно замечен убийцей лидера группы.

Рога был хорошим игроком, но тут что-то растерялся – он не ожидал, что его могут убить прямо в двух шагах от...

Мюрат прикончил своего противника – больше тянуть не имело смысла. Нет, двадцать уровней – это разница, но зелье силы – это серьезный аргумент даже при таком раскладе.

Убийца Герва кинулся на него, но Босх до того хорошо над ним поработал, и два удара мечом сократили жизненный путь стража добра падишаха Миррона.

Дверь в сокровищницу была открыта, в этом маленьком помещении пахло временем и пергаментом, что недвусмысленно давало понять, что тут хранятся ценности нематериального толка. Книги, свитки, какие-то большие листы с рисунками – чего здесь только не было. И на отдельной полке семь свитков на подставке – три с красными лентами, один с синей и три с зеленой. Мюрат бросил в свою сумку первые четыре свитка, после сгреб три свитка с зеленой пометкой и громко крикнул:

– Омнибус!!!

Неделей ранее. Эйген, трактир "Пьяный Вжик"

– Какое нелепое слово, – сказал Мюрат. – Омнибус!

– Зато вы его наверняка не произнесете случайно, – наставительно заметил человек в черном плаще, сидящий напротив него. – А сказать его надо лишь единожды, когда вы возьмете в руку свитки, но еще не положите их в сумку.

Встреча с этим человеком была финалом довольно длинной эпопеи, которая началась несколько месяцев назад, после того как Мюрат свел случайное, как он тогда думал, знакомство с Чарджем Спичкой, вольным стрелком и, судя по тому, что Мюрат теперь про него знал, хедхантером, работающим на некий клан, название которого воин не ведал и сейчас. Но он уже понял, что это более чем грозная сила, за которой стоят серьезные деньги, более того – за которым стоят серьезные люди. И вот сегодня Мюрат получил предложение, которое его не удивило, но серьезно озаботило.

Ему было предложено добыть в рейде в Миррон три свитка, перевязанных зелеными ленточками. Это и был его вступительный экзамен, он же взнос. Добудешь – добро пожаловать на борт. Нет? Ну, значит, нет, мы друг друга не знаем.

– Мюрат, это ваши проблемы, как именно вы будете их добывать. Нам нужны эти свитки, а вам нужно место в основе нашего клана. Проявите смекалку, докажите, что вы займете свое место по праву.

– Ну я пока не знаю, так ли оно мне нужно? – уклончиво ответил Мюрат. – Я не знаю ни вашего названия, ни того, что мне ваш клан даст.

– Название вам станет известно после того, как я получу свитки. Что же до выгоды... – человек улыбнулся. – Скажем так, время, затраченное вами на нашу беседу, я оценил в некую кругленькую сумму, которая уже упала к вам на счет. На реальный, а не на игровой счет. Этой демонстрации наших возможностей достаточно?

– Более чем. – Мюрат соображал быстро, и теперь его занимали только технические вопросы. – Но вот еще один нюанс – как все скрыть? Это рейд, там в логах отражается все происходящее, а значит, и то, что я получил нужные вам предметы, можно будет проверить без каких-либо забот. Я даже больше скажу – данный факт непременно проверят.

– Предусмотрено, – ответил ему человек в черном. – В момент, когда вы возьмете свитки в руку, произнесите так повеселившее вас слово "Омнибус", и подозрений в нечистой игре в отношении вас не возникнет, по крайней мере в этой части.

– А если точнее? – Мюрат любил уточнять все до конца.

– После этого в вашей сумке появятся вот эти три свитка. – Человек показал Мюрату скрученные в трубочку пергаментные листы, перевязанные ленточками изумрудного цвета. – Это тоже умения, и довольно хорошие. Еще вопросы?

– Теперь нет. – Мюрат широко улыбнулся. – Если только о времени и месте следующей встречи?

– Не забудьте, – человек в черном помахал пальцем перед носом Мюрата, – "Омнибус".

Мюрат открыл лог. Да, он получил три свитка, и они, судя по ним, уже даже лежали у него в сумке. Однако, стало быть, у этих ребят своя лапа в администрации игры. Впрочем – меньше знаешь, дольше живешь.

Мюрат убрал подлинные документы в специальный мешочек, который он прикупил на аукционе, – не хватало еще под конец все перепутать, поскольку визуально все свитки на одно... На один пергамент. Подумав еще немного, он было ухватился за иные документы, лежащие на полках, но понял, что не может ничего взять, пальцы проскакивают сквозь них.

– Муляж, – уважительно сказал Мюрат. – Но придумано здорово!

Он спустился по лестнице, прихватив вещи Герва, после поднял вещи Босха, – авторитет надо не только поднимать, его надо закреплять, кто его знает, как оно там повернется. Не стоит упускать возможность сделать доброе дело,

особенно тогда, когда это не грозит какими-либо неприятностями, а особенно финансовыми тратами. Дурачок Босх, как он красовался, как весело дрался, какие кульбиты выделявал. А хватило ему всего лишь одной вовремя уроненной вазы. И все!

«Поздравляем!

Ваш рейд увенчался успехом!

Миррон пал под натиском вашего оружия!»

И дальше еще страница текста, восхваляющая победителей и рассказывающая об их заслугах.

Бангггг!

Раздался звон, и Мюрат плюхнулся на песок. Относительно неподалеку от него вставали, отряхиваясь от песчинок, несколько бойцов из других групп-добываек, чуть подальше виднелись основные силы клана, достаточно немногочисленные, видать, нелегко далась победа. И огромное количество коконов с вещами, усыпавшее пустыню.

– Жив! – к Мюрату подбежал ГERV. – Ну, тебе удалось, ты взял их?

– А то, – залихватски подмигнул ему Мюрат. – Только почему "тебе"? Нам!

– Молоток, – по плечу как будто молотом ударили. – Не зря, значит, мы там все легли.

Босх явно был горд и собой, и своей группой. А когда выяснилось, что Мюрат и вещички их сберег, то он вообще из "молодчины" превратился в "красавчика".

И только Фитц, непонятно хмыкнув, смерил Мюрата странным взглядом и сказал ему:

– Ну да, молодец. Старею я.

Как потом выяснилось, только группа Босха в полной мере взяла добычу. Одна из групп вовсе не дошла до дворца, остальные просто не успели по времени – вскрыть сокровищницу вскрыли, а вот выгрести добро толком не успели, его надо было еще отыскать среди иллюзорного.

Спустя два дня Мюрат снова был в трактире Эйгена. Он передал мешочек человеку в черном, тот открыл его, посмотрел внутрь и сказал, не глядя на Мюрата:

– Вы молодец. Детали мне неинтересны, главное, что вы подтвердили свое право на место в основном составе и доказали нам, что сможете выполнять свою работу эффективно. Добро пожаловать в "Двойные щиты".

Падение

– Охота, я вижу, была удачной? – старый бейлиф Сэллар Мак-Магнус со сдержанной отцовской нежностью, той самой, которую всегда маскируют под ворчание, смотрел на своего сына Лоссарнаха, горделиво несущего на плечах порядочных размеров оленя.

– Да, дядюшка Сэл, зверья набили будь здоров, – вместо сына ответил ему Лейн Весельчак – самый непоседливый и болтливый из друзей Лоссарнаха. Был он круглолиц, вихраст, да и ростом не вышел, поэтому рядом с сыном и его друзьями смотрелся как подросток. Горе, а не гэльт.

Впрочем, сам Лейн по этому поводу ни капельки не грустил. Да и захоти он предаться печали, ничего бы у него не вышло – не тот характер. Пошутить, сплясать или девку помять – это да, это он умел, а сопли на кулак мотать – вот еще.

– Кэлин, – не удержался Лейн в очередной раз и обратился к самому рослому гэльту из компании молодого Мак-Магнуса: – Кэлин, а ты видел медведицу? Ну когда мы из леса выходили?

– Какую медведицу? – чуть помедлив спросил неповоротливый, громадный и (чего греха таить) немного туповатый Кэлин.

– Здоровенную такую, рыжеватую, – невероятно серьезно описывал зверя приятелю Лейн. – Она еще лапой тебе махала.

– Зачем? – сдвинул непонимающе брови домиком Кэлин. – Махала зачем?

– Хотела, чтобы ты в лесу остался, – не выдержав, захохотал Лейн. – Ее медведя прошлой зимой наш Лосси прибил, а одной спать немоготу – и скучно, и страшно. Ну а ты-то как есть медведь – здоровый, нечесаный и пахнешь так же! Вот она тебя и подманивала к себе, подманивала, чтобы ты ее это самое!

Компания из семи молодых глоток взорвалась хохотом. Не смеялся только сам Кэлин, но не потому, что обиделся, а потому что так до сих пор и не понял, что такое имел в виду этот непоседа Лейн? И почему его звала медведица? И почему он сам ее не видел, хотя вроде как и оглядывался?

Смеющиеся молодые люди направились к замковой кухне, чтобы отдать оленя поварам – сегодня будет пир в честь гостей, прибывших в замок, и свежая оленинка будет как никогда кстати, ведь это же истинно мужская пища, радующая желудок. А если еще и запивать ее отличным зимним элем...

Повод же для пира был весьма основательный – в замок пожаловал дальний родич бейлифа Эдгар Стеббинс, с которым некогда у него вышла ссора, затянувшаяся на десятилетия. Точнее, длил ее сам Стеббинс, человек склочный и мелочный, но, видимо, и ему она наконец поднадоела, что очень порадовало Сэлара Мак-Магнуса. Он не любил вражды, он любил мир.

Бейлиф улыбнулся, подставив лицо ласковому осеннему солнышку и пригладил усы. Нет, как ни крути, а эта осень задалась. И урожай хорош, и сын вон за ум взялся, и старая дрязга подошла к концу.

Олень был отдан поварам, причем левую заднюю ногу они пообещали приберечь для стола, за которым будет сидеть развеселая компания наследника бейлифа. Почему левая задняя? Традиция, идущая еще из тех времен, когда все эти молодые люди были маленькими мальчиками.

Они все родились в один год – Лоссарнах Мак-Магнус, братья-близнецы Фолле и Толле, Лейн Весельчак, Кэлин Тугодум, Стэн-Ивовый Прутик, получивший свое прозвище за то, что с двухсот шагов перебивал стрелой тоненький побег ивы, Торк Тощий и Слот Пузатый. Родились они в семьях, разных по достатку и положению, например, Кэлин был сыном землепашца, Лейн сыном лесничего, а Стэн сыном начальника замковой охраны, притом первенцем. И что примечательно – все родились летом, с совсем небольшими перерывами. Бейлиф, уже тогда человек рассудительный и прозорливый, несмотря на то что только-только перевалил за тридцатилетие, узнав про это, сразу сказал:

– Вот и очень хорошо, что родилось столько мальчишек. По крайней мере, моему сорванцу не будет скучно, когда он подрастет.

И с той поры замковый двор фамильного замка Мак-Магнусов (построен замок был не родоначальниками клана, но считался вполне их собственностью) покоя уже не знал, поскольку восемь неугомонных мальчишек, подрастая, то и дело ставили его на дыбы. Этот двор помнил их малышами, которые исследовали лужи, оставшиеся после дождя, на глубину, пацанами, махающими деревянными мечами в битве при Растинге (само собой, на стороне союза кланов), подростками, которым выдали первые тупые мечи и поставили друг напротив друга, юношами, которые упоенно рассказывали о своих первых победах в боях и с женщинами (причем всё врал и о том и о другом), и вот сейчас он видел перед собой молодых мужчин, юность которых уже почти закончилась, но взрослая жизнь еще не началась.

– Интересно, а этот Стеббинс привез с собой своих дочерей? – задумчиво спросил неизвестно у кого Торк Тощий, которого всегда интересовало все, что связано с противоположным полом. И, надо отметить, интерес был небезрезультативным – он уже несчетное количество раз был бит отцами и братьями девиц, которые вполне добровольно отдавали ему самое дорогое. После, правда, девицы почему-то обижались и требовали какой-то свадьбы, что Торка всегда очень печалило и неминуемо вело к разрыву с непонятливой пассией. Свободу он ценил больше всего на свете.

– Даже если бы и привез, то тебя к ним никто бы не подпустил. – Лоссарнах сидел на своем привычном месте, на старинном дубовом пне, который обосновался на заднем дворе еще во времена его прадеда. Этот двор был местом сбора развеселой шайки всегда, здесь они с давних времен прятались от докучливых наставников, гнева родителей и всех остальных неприятностей,

сопровождающих взросление нормальных мальчишек. За годы у каждого здесь появилось свое законное место. – Про твои похождения уже не только мы, но и батюшка знает. Он что, себе враг? Только-только с этим сутягой Стеббинсом замирились.

– Ха, они сами бы ко мне прибежали. – Торк вытянул соломинку из кучи сена, на которой валялся. – Девки, как пчелы, чувят, где сладким намазано.

Он скорчил рожу и показал указательным пальцем на свою промежность.

– Ну насчет девок не скажу. – Лейн скорчил глубокомысленное лицо и обвел глазами присутствующих. – А вот коза, которая дает молоко для Лиззи, за ним как привязанная ходит, это верно. И именно туда смотрит, тут Торк не врет!

– Лейн, скотина, чтоб тебя самого только козы любили, – лениво заметил Торк, не делая даже попытки встать и наподдать шутнику, над словами которого сейчас хохотали все остальные. Он прекрасно знал, что его все равно не поймаешь, и потом – на подобные подначки не было принято обижаться, подшучивать друг над другом у них было в порядке вещей. Главное, чтобы это было смешно и не со злобы.

Впрочем, чего у них никогда не было по отношению друг к другу, так это злобы. Конечно, случались ссоры и обиды, особенно с той поры, как проснулся интерес к женщинам, но злобы... Да какая злоба может к тому, чье лицо знакомо с тех пор, как ты себя самого помнишь?

И еще между ними не было упоминания о том, кто чей сын. Сам Лоссарнах сказал, после того как им всем в пятнадцать лет вручили первые мечи:

– Были мы почти братья, а теперь стали совсем родными. Мы – братья по оружию и по духу, а остальное – мишура.

Вот так они и жили на свете почти двадцать лет, весело и беззаботно. И дальше планировали жить так же, ну разве только на войну какую-нибудь сходить непременно, потому что если на войне не побывал, то какой же ты гэлт?

– Я тут слышал от Горри-торговца, что клан Мак-Праттов собирается заявить свои претензии на пустошь Суффрода, – неожиданно и не к месту, впрочем, как и всегда, сказал Кэлин. – Думаю, что там случится хорошая заварушка.

– С одним согласен, с другим нет, – отозвался со старой телеги Фолле. – Согласен с тем, что будет заварушка, не согласен с тем, что ты вообще думать умеешь.

Толле молча кивнул – из двоих братьев говорил только один, второй все больше молчал. Но при этом их точки зрения всегда совпадали.

Кэлин почесал затылок – что ж они все так путано говорят? Почему он не думает, что за глупости? Он думает. Просто не так шустро, как они.

– Да, Макмиллан Мак-Пратт такими словами запросто разбрасываться не станет, – подтвердил вполне серьезно Лейн. – Значит, он уверен в том, что сможет разбить войско Мак-Шеллов, они тоже на эту пустошь претендуют. Будет отличная драка, грех такую упускать.

– Недели три у нас есть, – деловито отметил Стэн. – Пока копье пошлют, пока место подберут. Только вот вопрос – на чьей стороне драться будем?

– На стороне Мак-Шеллов, ясное дело, – отозвался Лоссарнах. – У меня двоюродный дед был с ними в родстве через жену. Да и не люблю я этого Мак-Пратта, пакостный дядька. Я его видел, когда к Мак-Соммерсам ездил, на большое торжище. Сам улыбается, а глаза как у рыбы – не мигают и навывате. Тьфу!

– Зато у них в клане девки красивые, – мечтательно сказал Торк, которому в этих вопросах точно можно было верить.

Вот так, говоря о всякой всячине и продумывая план побега на грядущую войну, друзья и просидели до вечера, пока их не позвали в залу, где уже стояли столы. Нельзя сказать, чтобы у них не было дел, но о чем может идти речь в день большого пира? Тем более что их семьи давно привыкли к тому, что эти сыновья дома сидеть не будут...

Здравицы звучали одна за другой. Гэльты по своей сути народ мрачный и неразговорчивый, предпочитающий слову дело, но веселиться они умеют, тем более что поводы для этого выпадают не каждый день. В отличие от Запада и Юга, где праздник чаще всего норма жизни, жители Пограничья веселятся только по серьезным поводам – рождение наследника, смерть врага, окончание жатвы или вот как тут – прекращение двадцатилетней вражды.

Эль лился рекой, жареный олень был принят едоками более чем радостно, это выразилось в воплях и криках, тосты были коротки и емки, как команды на поле битвы или звон мечей друг о друга. Пили за хозяина, за его гостя, за наследников, за Пограничье и за то, чтобы все враги двух славных семейств сдохли.

Весело было и в углу, где лихо препарировали кинжалами левую заднюю ногу оленя восемь прожорливых молодцов. Лоссарнах, отсидев положенный по регламенту срок рядом с отцом, быстренько смылся к своим приятелям, без которых ему в глотку кусок не лез – не привык он без них трапезничать.

– Вот ты тут давеча Мак-Пратта поминал, – сказал ему неожиданно Слот Пузатый, который и впрямь был владельцем приличных размеров брюха, что делало его скверным мечником, но это никак ни сказывалось на его мозгах, из всей компании он был самым рассудительным. – А этот-то твой родич ничем его не лучше. Вон как зыркает, каналья, вроде и улыбается, а глаз недобрый. Как бы гадость какую не задумал.

– Да брось ты, – отмахнулся Лоссарнах. – Всю жизнь он такой, мне отец говорил.

– Ну не знаю. – Слот отхватил кинжалом от отменно прожаренной оленьей ноги изрядный кусок мяса. – Замиренный враг хуже, чем предавший друг.

После толстяк засунул мясо в рот и заработал челюстями.

– А теперь мой сюрприз для хозяина этого дома! – неожиданно зычно заорал худощавый Стеббинс. – Жонглеры с далекого Юга! Большие деньги отдал, чтобы сюда их заманить, так что цени, родич.

В центр пиршественной залы выбежали люди, одетые в разноцветные одежды, со смуглыми лицами и невероятно ловкие, которые тут же начали выделявать

совершенно уж невероятные вещи с факелами и ножами. Предметы летали в воздухе, пламя подброшенных вверх факелов сливалось в одну линию, южане прыгали друг другу на спины и строили пирамиды – это завораживало непривычных к подобным зрелищам жителей Пограничья.

– Ох, ё! – проревел простодушный Кэлин, который обожал зрелища и все яркое. – От это да!

– Интересно, а каковы из себя южанки? – произнес Торк. – Я слышал, они умеют делать всякие такие вещи, за одно упоминание о которых наши женщины могут и оторвать кое-что.

– Отец был в Эйгене и даже в Селгаре, – ответил ему Стэн, хотя вопрос никому конкретному и не адресовался. – И он сказал мне как-то, что лучше наших женщин нет никого. Все эти изнеженные южанки скопом не стоят мизинца одной нашей Лиззи.

Лиззи была двоюродной сестрой Лоссарнаха, ее мать умерла родами, и бейлиф Сэлар воспитал сиротку как родную дочь. Да она и называла его отцом, несмотря на то что Сэлар не скрывал того факта, что он таковым не является. Да никто и не знал, кто ее настоящий отец, сестра Сэлара так и не открыла этого никому, унеся эту тайну с собой за грань бытия. Сама же Лиззи все свои пятнадцать лет, что жила на свете, точно знала, кто ее отец, и кто ее братья, о каких-то других близких людях она не задумывалась.

Ребята Лиззи любили, она была им всем как родная, и даже паскудник Торк не видел в ней женщину. Вернее, так было до последнего времени, до той поры, пока Стэн со всей своей прямоотой не заявил Лоссарнаху, что, когда Лиззи стукнет шестнадцать, он придет к бейлифу просить ее руки.

Стэн всегда был такой, он говорил, то, что думал, и делал, то, что должно. Его отец, начальник замковой охраны, человек прямой и жесткий, возвел для него подобный образ жизни в принцип.

– Кхम्म, – откашлялся тогда ошеломленный Лоссарнах. – Я-то не против, если ты об этом. Но что скажет отец? И самое главное – что скажет Лиззи?

– Это мое дело, – заявил Стэн. – Что думаешь ты? Без твоего одобрения я делать ничего не стану, разве только из замка уеду, куда глаза глядят, хоть бы даже в Вольные роты наймусь. Без Лиззи мне жизнь не мила.

– Да я только «за»! – хлопнул друга по плечам Лоссарнах. – Породнимся!

Впрочем, это родство было только формальностью, они и так были как братья.

Праздник кончился за полночь, отзвучали последние пьяные песни, кто из гостей разошелся сам, а кого-то и унесли, поскольку пьяные ноги отказывались служить своим хозяевам, на небо давно вышла луна, высыпали крупные осенние звезды.

Торк ушел раньше остальных, у него, как всегда, было чем заняться. Недели две назад в замок взяли новую посудомойку, из соседней деревни, и он сразу зачастил на кухню. Две недели непрерывной болтовни и пустых обещаний сделали свое дело, и теперь, выходя из комнатки деревенской пастушки, Торк был очень доволен – и ей, и собой.

Он что-то напевал себе под нос и раздумывал – пойти сразу спать, или же подняться на крепостную стену и поглазеть на ночной осенний лес и реку. Просто водилась за ним некоторая сентиментальность и возвышенность натуры, особенно после того, как девку помнет. Увы, ни тому, ни другому сбыться не удалось, поскольку, подойдя к боковой лестнице, ведущей во внутренние помещения (комнаты прислуги располагались в отдельном строении), он увидел то, что повергло его сначала в изумление, а потом заставило действовать очень быстро.

Он увидел распахивающиеся ворота замка. Это было невозможно, поскольку все и всегда знали – от заката до рассвета ворота закрыты. Единственный, кто мог отдать приказ их открыть, был сам бейлиф, но больше никто этого сделать не мог, таковы были суровые законы Пограничья, страны, где война была привычным состоянием людей.

Торка, как и его друзей, учили хорошо. Да нет, не просто хорошо, их учили отлично. И учили не просто воевать и убивать, их учили думать, поскольку будущий бейлиф – это не просто воин, это еще и полководец, а они, его друзья, должны были стать теми, кому он будет доверять свои планы, теми, кто их мог

оценить по достоинству и дать путный совет.

Поэтому Торк очень быстро связал воедино людей Стеббинса, держащих створки ворот, тела стражников, небрежно отброшенные в стороны, и топот ног в ночи. Измена и нападение – вот что это такое. Прав был Слот.

– А времени-то и нет, – шепнул он себе под нос, кидаясь вверх по лестнице. Теперь уже кричи – не кричи, враг уже в замке, и сам погибнешь, и никому не поможешь. Надо предупредить Лоссарнаха и бейлифа, пока они еще живы. А если они и дальше будут живы, то предатели наверняка получат свое.

Торк с невероятной скоростью, быстро как никогда, пробежал лестничные пролеты и коридоры, каким-то седьмым чувством слыша внизу гомон незнакомых голосов и звон их снаряжения.

– Нападение, – заорал он, влетая в залу, где было их «логово», как его называл старый бейлиф. У каждого из друзей был свой дом, с родными и близкими, но там они ночевали в лучшем случае пару раз в месяц, в основном жили здесь, в большой и уютной зале, которая выходила окнами прямоком на полноводную реку. – В замке враги!

– Не смешно, Торк, – проворчал Лоссарнах, лениво поворачиваясь на другой бок.

– Удавлю, – проворчал Кэлин. – Разбудил, комар эдакий.

– Да не шучу я! – зло закричал Торк. – Время уходит! Они уже внутри! Охрана у ворот убита.

Они так давно жили вместе и так хорошо знали, когда кто шутит, что больше вопросов никто не задавал. Юноши вскочили с кроватей и шкур, на которых спали.

– Моя кольчуга в оружейной, – плюнул Стэн. – Вот же папаша, все его аккуратность!

– Хорошо, что оружие здесь. – Фолле накинул на себя перевязь и кинул меч брату. – Он хотел, чтобы мы и его убирали туда. Но кольчуг жалко, наши тоже

там. Лосси, твоя здесь? Это хорошо.

Лейн в это время помог натянуть кольчугу Лоссарнаху и подхватил свою, подаренную ему на шестнадцатилетие бейлифом, причем сделанную на заказ. Просто на его маленький рост в замковой оружейной ничего не нашлось.

– Мне надо к нему. – Лоссарнах был краток. – Фолле, Толле, Лейн – вы со мной. Стэн...

– Я понял, – стрелку объяснять ничего было не нужно, он и так знал, куда ему надо спешить. Закинув лук на плечо, Ивовый Прутик неслышно скользнул за дверь.

– Слот, подстрахуй его, – приказал Лоссарнах, и толстяк потопал за Стэном, не слишком умело держа меч в руках. – Торк, Кэлин, бегом к начальнику охраны, может, еще успеете. Если нет – идите к покоям моего отца. И клянусь задницей Суорна – кто бы ни устроил эту свистопляску, он дорого заплатит за нее.

Жизнь в Пограничье далека от сантиментов и готовит любого к тому, что смерть неизбежна, а значит, и не стоит слишком рассчитывать на то, что она задержится в пути. Если это заговор, то начальника охраны, бейлифа и наследников будут резать сразу, оставляя всех остальных на потом. Причем, именно начальник охраны будет самым первым, тем более что его покои были на нижнем этаже замка.

Лоссарнах понял, что все очень плохо, только увидев распахнутые настежь двери отцовских покоев. Одни рывком он влетел в них и зарычал, осознав то, что творилось внутри. Бейлиф Сэлар Мак-Магнус был мертв, поскольку никто не переживет двух десятков ножевых ран. Он буквально плавал в своей крови, скрючившись на полу, куда у него еще хватило сил сползти, а над ним стояли три давешних акробата с Востока, которые явно и совершили это преступление.

– Твари – выпад гэльта был быстр, но восточный человек немыслимо ловко изогнулся и ушел от удара, а после нанес ответный удар кривым ножом. Сталь скрежетнула по кольчуге, не пробив ее, но Лоссарнаха мотнуло в сторону от силы удара.

Акробат, возможно, и смог бы добиться хоть какого-то успеха, но это в том случае, если бы у него было побольше места для маневра, и если бы оплошал Фолле, который не мешкая ни секунды отрубил ему руку с кинжалом.

– Н-на! – Лейн никогда не был силен в мечном бою, зато неплохо наловчился метать ножи. И он не сплеховал – еще один из акробатов отлетел к стене и сполз по ней вниз, пятная кровью.

– Эшшш, – раздалось сзади, Лейн обернулся и увидел Толле, горло которого прибил к дверному косяку почти такой же метательный нож, как у него.

– Тварь! – Лейн поймал движение оставшегося в живых врага и в прыжке толкнул Лоссарнаха на пол. Сталь вместо человеческой плоти вонзилась в стену, акробат что-то буркнул и выскочил в окно, вынеся в прыжке раму.

– Брат. – Фолле смотрел на уже умершего Толле, он явно не понимал, что того больше нет. – Брат!

– Замок почти пал. – От веселости Лейна не осталось и следа, он выглянул в окно. – Двор полон воинами, и не нашими.

Лоссарнах тоже глянул в окно, луна, вышедшая из-за наплывшей было на нее тучки, осветила человека, стоявшего в центре двора.

– Кэннор-палач, – сказал, как плюнул, он. – И рядом с ним Стеббинс. Крыса, грязная вонючая крыса!

– Надо уходить. – Лейн был категоричен. – Замок пал, но остались друзья твоего отца. Есть совет вождей, есть законы Пограничья.

– Бейлиф, – в комнату вбежал Торк. – О боги, Толле!

– Как же ты так? – застыл в дверном проеме Кэлин, глядя на мертвого друга. – А?

– Что там? – Лоссарнах требовательно посмотрел на Торка.

– Все там. – Торк махнул рукой. – Резня. По дороге двух самых шустрых прибили, те уже грабить начали. Надо уходить, на тебя точно охоту объявили. Думаю, живым хотят взять.

– Возвращаемся наверх, – Лоссарнах нагнулся к отцу и закрыл рукой его глаза. – Некуда нам больше идти.

– А тайный ход? – Лейн даже подпрыгнул. – Тот, что ведет за рвы?

– Не дойдем, – слышался голос Стэна, после показался и он сам, бледный как смерть и с окровавленным плечом. – Там везде люди Кэннора.

– Где Лиззи? – требовательно спросил Лоссарнах.

– Там же, где и Слот, – как-то устало ответил стрелок. – Они убили ее, Лосси. Они ее просто изрезали на куски. Боги, мы опоздали всего лишь на пару минут... Слот вцепился в глотку одного из них и задушил, только пока он ему гортань ломал, из него самого выпустили кишки. Он всегда был плох в обращении с оружием, наш Слот.

– А второй? – Лоссарнах снова выглянул в окно.

Стэн поднял левую руку – она вся была в крови.

– Я взял его жизнь, – сказал он. – Правда, он меня тоже зацепил. Только вот теперь не знаю, на что мне моя жизнь?

– Где твой лук? – жестко спросил новый бейлиф, осознавая, что на все эти разговоры он тратит драгоценные минуты. – Есть достойная мишень.

– Там же, в комнате Лиззи, – Стэн пошатнулся. – Я все равно не смогу стрелять. Это не врага кровь, а моя.

– Проклятье. – Лоссарнах еще раз глянул на Кэннора, впечатывая в память его лицо. – Уходим наверх.

Он нагнулся и достал из ножен отца семейный меч, который некогда принадлежал первому Мак-Магнусу. Его никак нельзя было оставлять врагам.

Топот сапог он услышал сразу же, выйдя из отцовских покоев.

– Ну вот и все. – Лоссарнах сплюнул. – Опоздали!

– Идите. – Стэн достал из кармана кожаный шнурок, пропустил через дырку в черенке меча, а после затянул на запястье. – Проход, конечно, широковат, но минуту-другую я для вас отыграю.

– Вдвоем нормально будет, – пробасил Кэлин, вставая рядом с ним. – Лосси, какой тебе два меча, а? Отдай мне свой старый, а то тут с двуручным несподручно будет управляться.

Великан был простодушен и незамысловат, но во всем, что относилось к драке, он разбирался отменно.

– Лосси, беги. – Стэн сплюнул кровью на пол. – Река, братья, река. Это ваш шанс.

– Не тяните. – Кэлин заревел от ярости, увидев первых врагов в цветах клана Стеббинсов, похоже, именно им поручили прирезать наследника. А может, и взять живьем, на потеху, не просто же так к нему не послали убийц? Прав Стэн, прав...

Четверо друзей возвращались к своей комнате, к той, которую покинули всего-то десять минут назад, за спиной у них оставались звон мечей и сумасшедшая ругань Кэлин, который никогда раньше этим не злоупотреблял.

Им оставалось проскочить через открытый замковый переход и подняться наверх. Лоссарнах бежал по нему, не понимая, зачем он вообще это делает. Может, разумнее было бы принять бой там, где сейчас гибнут его друзья? Ведь, по сути, этот бег, это не более чем отсрочка смерти в пять-десять минут?

– Ой, – как-то по-детски сказал Торк за спиной у друзей, когда трое из них уже вбежали в коридор, ведущий к лестнице.

Лоссарнах обернулся и увидел, что в груди друга дрожит стрела. Торк сделал еще один шаг, но вторая стрела пробила его шею, еще одна ударила в плечо, отбросив к стене. Юноша ударился об нее и неловко сполз вниз, оставляя на камнях кровавую дорожку.

– Вперед, – толкнул Лоссарнаха Лейн. – Он мертв. Вперед.

Наверное, это были последние слезы Лоссарнаха. Да и первые тоже – он не плакал тогда, когда Кэлин, никогда не соразмерявший свою силу, заехал деревянным мечом ему по пальцам и те распухли, тогда, когда отец за проделку на пасеке (они для того, чтобы поймать в яму медведя, выгребли мед из пяти ульев), посадил их голыми задницами на муравейник, и даже тогда, когда увидел Торка с девушкой, той самой, при виде которой хотелось сделать что-то хорошее (а если Торк идет с ней, то значит... Значит, все). Сейчас эти первые и последние слезы закипали у него на ресницах.

– Все. – Фолле встал у лестницы, ведущей в их комнату. – Идите, у вас еще есть дела, а я их здесь подожду.

– Не забудь подать сигнал, – деловито сказал ему Лейн, подталкивая Лоссарнаха в спину.

– Как пойдет, – уклончиво ответил Фолле, разминая кисти рук. – Тут наперед не загадаешь. Лосси, мы с братом тебя там подождем, но ты не слишком торопись, ладно?

Уже был слышен топот ног – это захватчики бежали за их головами, видать, неплоха была назначенная награда.

– Давайте, давайте, – поторопил Фолле друзей.

Лейн втолкнул Лоссарнаха в комнату и накинул засов на дверь.

– Шкаф двигай, – топнул он ногой. – Я один не сдюжу.

Под звон стали, доносящийся снизу, двое друзей сообразили у двери неплохую баррикаду.

– Лосс... – метнулся короткий вскрик, и через минуту в дверь ударили плечом.

– Вперед. – Лейн подбежал к окну и резким рывком распахнул его. – Тебе – туда.

– Это позор, – упрямо сказал Лоссарнах. – Меч предков туда, а мы с тобой останемся здесь.

– Я – да, ты – нет. – Лейн посмотрел на друга снизу вверх. – Ты последний из клана Мак-Магнусов. Последний. И если ты будешь жив, то сможешь отомстить. Да, твое имя уже сегодня покроют позором, но что этот позор? Так, пыль. Через год, через два, да хоть через десять лет ты вернешься и отомстишь. За отца, за Лиззи, за нас. Но только в том случае, если останешься жив.

– Это трусость. – Лоссарнах понимал, что Лейн прав, но переступить через то, что у него было впитано в кровь было очень трудно, почти невозможно. Честь воина несовместима с бегством.

– Нет, это смелость. Вот это – смелость. – Лейн был серьезен так, как никогда в жизни, показывая рукой на реку, мерно несущую свои волны под луной. – Трусость – не отомстить за нашу кровь. В окно, брат мой, в окно.

– Так давай со мной, – Лоссарнах все-таки принял решение и стягивал кольчугу. – Чего ты себя хоронишь?

– Э, нет. – Лейн подбежал к баррикаде, которая плавно поехала вперед, и подпер ее своим телом. – Они дверь вышибут и нас с тобой из наших же луков и расстреляют. Все, прощай.

Он отвернулся от Лоссарнаха, и напрягая мускулы, держал дверь сколько мог. Он успел услышать всплеск, говорящий о том, что последний бейлиф Мак-Магнус сделал свой выбор, и порадоваться этому. Его брат будет жить, и теперь уж точно отомстит за все и всех, в этом можно не сомневаться. И еще он был рад тому, что впервые в жизни он смог сказать не только что-то серьезное, но очень нужное.

А еще он успел взять одну жизнь врага, того самого, который первым ворвался в комнату, хотя тот был быстрее, и первым нанес Лейну-Весельчаку удар. Просто

бейлиф Сэллар никогда не экономил на подарках, и кольчуга, его подарок Лейну, была отличной, гномьей работы, а потому этот удар выдержала.

Потом в комнату ворвались еще несколько врагов, и вскоре один из них, вытирая клинок от крови Лейна, подошел к окну и сказал:

– Ускользнул, змееныш. В реку прыгнул. Теперь уже, поди, далеко.

– Да и ладно, – отозвался второй, в цветах клана Стеббинсов. – Вода холодная, осень как-никак наступила. Либо утонет, либо лихорадку подхватит. А и выживет – невелик убыток. Он теперь опозорен. Он теперь изгнанник.

Долгая ночь кончалась, и костер почти прогорел. Мужчина, хотя годами и не старый, но уже порядком поседевший, в черной бесформенной одежде, подбросил в него немного хвороста и снова задумался, глядя в огонь.

Он всегда спал мало, а в путешествиях, до которых он был небольшой охотник, он и вовсе не тратил времени на сон, а потому охотно сторожил лагерь в «час волка».

Река плеснула, громче, чем обычно.

– Р-рыба играет, – сказал человек негромко. – С-стало быть, вот-вот рассветет.

Он взял котелок и пошел к реке – день следовало начинать с горячего питья, к этому его приучил многолетний опыт столь нелюбимых им странствий. В жизни ведь оно всегда так – чего мы больше всего не любим, то нам и достается.

Плеснула не рыба. На песочке лежал молодой мужчина, порядком посиневший от холода, и вроде даже не дышавший. В руке у него обнаружился меч, который он почему-то не выбросил, хотя и стоило бы, в такой-то ситуации.

Человек потрогал шею утопленника – жилка билась.

– В-везучий, – отметил он, покряхтывая, положил его животом на свое колено и несколько раз сильно ударил по спине.

После четвертого удара несостоявшийся утопленник закашлялся, его вырвало водой, но зато он задышал бодрее.

– Н-ну, вот как-то т-так.

Через полчаса мужчина сидел у костра и пил горячий отвар из трав, который любезно ему поднес его спаситель.

– К-как же это вы так? – покачал головой человек в черной рясе. – Это поаккуратней н-надо, не лето на дворе, какое уж к-купание?

– Лодка перевернулась, – коротко ответил спасенный. – И все утонули. Один я вот выплыл... Невесть как.

– Д-да... – покачал головой седой человек. – Бывает. Как в-вас зовут-то?

– Л... – мужчина закашлялся. – Лейн. Меня зовут Лейн.

– И к-куда вы теперь?

– Не знаю. – На лице Лейна не было никаких эмоций. – У меня никого нет, идти мне некуда.

– Т-тогда вам в В-вольные роты надо п-уть держать, – задушевно сказал ему человек в черном. – Что в-вы воин – это сразу в-видно. Все, кто ум-меет держать меч и к-кому некуда идти, туда направ-вляются. И деньги, и д-дело, и дом какой-никак-кой.

– Вольные роты? – Лейн то ли засмеялся, то ли закашлялся. – Ну да, а куда же еще? Только в наемники, ваша правда.

Через полчаса он раскланялся с седым человеком и его спутниками, которые даже не удивились, увидев у своего костра кого-то, кого с вечера не было. На прощание человек в черной рясе впихнул ему кожаную куртку и немного денег, хотя Лейн и отказывался.

– Х-херц, – сказал он одному из своих спутников, когда неожиданный гость удалился от стоянки на достаточное расстояние. – Дум-мается мне, что я этого Л-лейна знаю. Навести-ка з-замок бейлифа Мак-Магнуса и узнай, не случ-чилось ли т-там чего-нибудь нынешней н-ночью. Ч-чего-нибудь эдакого, о чем н-нам знать над-до. И в-вот если случилось, то нав-ведайся к нашему человеку в В-вольных ротах, пусть он за эт-тим Лейном присмотрит. Ав-вось, когда-нибудь на ч-что-нибудь он нам и сг-годится.

Он улыбнулся, глядя на почти растворившуюся во встающем солнце фигуру спасенного им человека.

Кровь на снегу

Удар. Еще удар. Сталь скрежещет о сталь, да так, что искры сверкают, пусть и еле различимые в свете яркого северного солнца.

Удивляться нечему – мечи-то у бойцов добротные, гномьей работы, с прославленным клеймом Тралли-коваля у рукояти. Как он тогда сказал им?

– Это мечи-побратимы, милсдари рыцари, помните об этом.

Они помнили. И в песках Востока, где рубились с ордами нечисти, и на лугах Запада, где мир без войны редко жил дольше месяца, и в джунглях Юга, где их врагами были такие твари, что страшно вспомнить. Да и как могло быть по-другому? Ведь в тот же день, только выйдя из лавки гнома, эти двое отправились напрямик в храм Витара, бога воинов, чтобы смешать кровь и стать братьями. Настоящими, кровными, а не только по оружию.

Помнили они об этом и после, в той последней битве, где погиб их Командор, славный рыцарь Адальфрик. Он погиб, а его воины отступили. В первый и последний раз в жизни – отступили. И те стяги, под которыми они всегда гордо стояли, были втоптаны в грязь слугами того бога, который некогда принял от побратимов клятву крови.

Кто знает, может, в тот злосчастный день и появилась в душе одного из них та самая первая, незаметная еще трещина, которая со временем стала пропастью, по краю которой эти двое добрались до этой заснеженной равнины?

Они клялись никогда не поднимать свои мечи друг на друга и, если один из них падет, мстить убийце до конца, невзирая на то, кем тот будет.

И вот – клятва нарушена. Брат пошел на брата, и победитель не сможет отомстить. Разве что броситься грудью на свой меч, но только какой в этом смысл?

Удар, поворот, удар. Нет, ему не победить. Не потому, что названный брат сражается лучше, чем он. Просто у каждого человека есть свой, отведенный ему предел сил. И он, увы, подошел к самой его черте.

Но не только в этом дело. Беда еще в том, что именно сейчас, под этим ярким солнцем, он усомнился в том, что все сделанное им за последнее время было правильным. А что если все, что он творил, все же было ошибкой?

Страшной.

Непоправимой.

Ведь, по сути, он стал тем, против кого до того сражался всю свою жизнь. Потеряв веру, он потерял друзей.

Потерял себя.

Правда, обрел любовь, но...

Стоило ли оно того?

Мечи скрестились, клинки скользнули один о другой, и лицо лучшего друга, то, которое он знал до мелочей, оказалось совсем рядом с ним.

– Я не сдамся, – шепнул он, зная, что будет услышан. – Кто-то из нас умрет!

Друг ничего не ответил, крестовины мечей расцепились, противники сделали по паре шагов назад.

Есть секунда, чтобы глянуть по сторонам. Хотя... Что там можно увидеть? Только дело рук своих да рыцарей, смотрящих на поединок.

И – кровь. Кровь на белом снегу. Его запятнали те, кто первым вступил с ним в бой. Вон Бриан де Ли, рассеченный почти надвое его коронным ударом, отработанным до мелочей. Бриан когда-то на одном из турниров носил его копье, было такое.

Алан ле Фог, которому он отрубил руку, поймав на ложный финт. Весельчак и бабник, теперь он лежит, скорчившись, в красном пятне, которое так выделяется среди снежной белизны.

Зигфрид фон Рихерт, совсем еще юноша, получивший рыцарские шпоры перед самым исходом сюда, на Север. Ему он разрубил голову возвратным ударом, сразу после того, как отсек руку ле Фогу.

Впрочем, вроде фон Рихерт вроде еще шевелится. Может, и не умер пока.

Но умрет. Если случится чудо, и ему удастся сначала убить своего побратима, а после всех остальных, то он об этом позаботится.

Увы, но теперь назад дороги нет. Жалей о том, что было, не жалей, но он сделал свой выбор, и поменять ничего не получится. Пусть даже ему жалко этого смешливого и наивного мальчишку фон Рихерта.

Вот только ему не победить. Да, возможно, своего противника он еще сможет сразить, но остальных... Пусть их осталось меньше десятка, только что это меняет? Меч кого-то из них все равно раньше или позже найдет дорогу к его телу. И все. И смерть.

Нет-нет, он не боится эту молчаливую гостью. Не зовет, но и не боится. Умер в нем этот страх в тот день, когда пришла весть о смерти Зои.

Зои. Его любовь, его мечта, его боль.

Ее сожгли те, кто сейчас находится здесь. Ее сожгли те, кого он называл друзьями и братьями.

Да, умом он может их понять. Зои была ведьмой. Она ненавидела род людской. Она несла в селения Севера мор и страх. Ее называли «Чумной», и это прозвище прекрасно отражало суть его избранницы.

Именно Зои стала той последней гранью, ступив за которую, он отсек от себя прежнюю жизнь, став для всех Ательстаном Проклятым.

Проклятым всеми. Друзьями, северянами, даже землей этой. И небом, что над ним.

Нет!

И все-таки он не жалеет ни о чем. Ни об единой минуте не жалеет. Им не понять, что значит быть рядом с той, кто является твоей судьбой. Знать это, и быть счастливым от того, что все это происходит с тобой.

Нет, умом он понимает своих бывших друзей. Но не сердцем. Там понимания и прощения нет, только ненависть и жажда мщения.

Стоило оно того! Стоило! Прочь сомнения!

Вот, даже сил прибавилось. Поворот, удар, еще удар. Что, старый друг Сонарола, не ждал такой прыти от меня?

Хотя нет, ждал.

Он всегда был таким. Как тогда сказал король? «Ательстан идет напролом, гремя доспехом и сверкая блеском стали, а Сонарола сначала думает, а потом делает. До той поры, пока они рядом, Западной Марке нечего бояться».

Нечего бояться. Смешно. Короли, как показало время, тоже ошибаются.

Сначала грянул Исход Богов, положивший начало бедствиями Раттермарка, потом десятки катаклизмов, от проснувшихся вулканов до нашествия нежити, а

после еще мор и глад... Тут не хватило бы усилий не то что двух, но и двухсот тысяч рыцарей, даже обладай они все достоинствами неразлучных друзей, маршалов Западной Марки Ательстана и Соаролы.

А еще – пал Адальфрик. Командор и старший брат. Пал в двух шагах от победы, на пороге храма Витара, близ того самого алтаря, который он должен был разбить, дабы власть богини Тиамат стала если и не безграничной, то близкой к тому. Витар был тем рубежом, преодолев который богиня Ночи могла начать наступление на остальных.

Два шага. Всего два шага. Столько оставалось от победы и от бессмертия, которое та богиня ему пообещала. Впрочем, что бессмертие! Эти шаги отделяли его от руки и сердца прекрасной Соагды.

Богини Соагды.

И Адальфрик был достоин ее любви более, чем кто-либо другой. Да что там! Он достоин того, чтобы стать богом.

Ибо человек, взявший в жены богиню, сам становится подобным ей.

Но – не получилось. Адальфрик был сражен воинами Витара. Его тело изрубили на куски, а после надругались над тем, что от него осталось.

Боги, боги, куда вы смотрели? И ты, презренная Тиамат! Это ты отправила брата на смерть, обещая ему свою помощь, и трусливо отвернулась, когда этому сильному и смелому человеку проклятые северяне выжигали глаза!

Удар! Удар! Надо же, сколько сил придало ему воспоминание о том, что случилось с его старшим братом.

И кто говорил, что ненависть плохой советчик?

Северяне! Дети снегов! В этот снег зарыть бы вас всех, да так, чтобы никто никогда не нашел.

Да, собственно, он так и поступал. Для начала, само собой, пришлось немного схитрить. Причем ему поверили все, ибо знали – Ательстан никогда не врет.

Он создал орден Плачущей Богини, посмеиваясь про себя над его названием. Нет, эта Соагда в самом деле прорыдала всю ночь, целуя мертвую голову его брата. Может, потому он тогда ее и не убил. Он увидел, что та в самом деле страдает, и подобные терзания не могут быть притворством.

А может, потому что ему была нужна не она, а ее мать Тиамат.

И Соагда пообещала, что проведет его к ней, чтобы он заменил своего брата в служении грозной и могучей богине.

Но – не получилось. Боги пали и без его помощи, нашлась на них управа. А он остался со своим гневом и неутоленной жаждой мести.

И с осознанием того, что его снова обвели вокруг пальца. Даже Соагда, которая была помилована Демииургами, обманула его, не захотев жить в мире, где нет ее любимого, и отправилась в добровольное заточение. Напоследок она даже пришла с ним попрощаться, целовала в лоб, просила не таить в сердце печаль.

Вот как такую убивать было? Рука снова не поднялась.

Зато ему остались северяне, которым и предстояло ответить за все. И за всех.

Сюда, на Север, с ним отправилась сотня рыцарей. Лучших из лучших. Их короля к тому времени уже не было, его унесла Черная Чума, те же личности, что одна за другой менялись на троне Запада, были недостойны того, чтобы им служили лучшие воины королевской гвардии. Рыцарь никогда не станет слугой торговца или насильника.

А вот Соагде его друзья согласились служить охотно. Они все знали, что Адальфрик преклонил пред ней колени, назвав своей единственной любовью, а память о его брате для этих вояк к тому времени стала святыней.

И Соагда стала такой же святыней, пусть даже и потеряв свое первоначальное имя, став просто Плачущей Богиней.

Хотя рыцари, по сути, служили вовсе не ей, а тому, кто ее любил больше жизни. Его мертвому брату, своему бессменному Командору Адальфрику.

Сначала все шло так, как нужно. Рыцари навели на Севере порядок, перебили кучу нечисти и нежити, и местные жители поверили им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vasil-ev_andrey/oskolki-legend-tom-1

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)